

ВЕРНУ ТЕБЯ:

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

София Устинова

София Устинова

Верну тебя: Любой ценой

«Автор»

2026

Устинова С.

Верну тебя: Любой ценой / С. Устинова — «Автор», 2026

Четыре года назад я сбежала от него, оставив в прошлом предательство и разбитое сердце. Я выстроила новую жизнь, новую себя. И была уверена, что больше никогда его не увижу. Какая ирония. Теперь мой бывший муж мой новый босс. И он ясно дал понять: он пришёл не просто вернуть жену. Он пришёл забрать своё. Но Марк не знает, что я храню секрет, который изменит правила его игры.

© Устинова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	18
ГЛАВА 5	23
ГЛАВА 6	26
ГЛАВА 7	30
ГЛАВА 8	34
ГЛАВА 9	39
ГЛАВА 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

София Устинова

Верну тебя: Любой ценой

ПРОЛОГ

КАРИНА

– Я подаю на развод, Марк.

Слова упали в густую, почти осязаемую тишину его кабинета. Они не прозвучали, а скорее материализовались из воздуха, повиснув между монументальным столом из чёрного мореного дуба и панорамным окном, за которым хищно сверкал огнями ночной город. Его город. Его трофей. А я, как оказалось, была лишь деталью интерьера в пентхаусе победителя. Красивой, но легко заменяемой.

Он даже не поднял головы. Его пальцы продолжали скользить по экрану планшета с той сосредоточенностью, которую он когда-то приберегал только для изгиба моей спины.

– Не начинай, Рина, – его голос, низкий, с той самой хрипотцой, от которой у меня раньше подкашивались колени, прозвучал до смешного обыденно. Так говорят, когда просят передать соль. – У меня был адски тяжёлый день. Закрыли сделку с азиатами. Ты хоть представляешь, какая это была бойня?

– О, ещё как представляю, – я сделала шаг вперёд, чувствуя, как ледяное, выстраданное спокойствие, которое я копила в себе последние несколько часов, даёт трещину. Под ним уже клокотала обжигающая лава. – У меня тоже был исключительно познавательный день. Особенно та его часть, когда на мою корпоративную почту пришло анонимное письмо. Очень милое. Всего одна строчка в теме: «Ваш муж – настоящий титан. В бизнесе и не только». И ссылка.

Вот теперь он оторвался от своего гаджета. В его стальных глазах, которые я когда-то так отчаянно любила, плескалось откровенное, неприкрытое раздражение. Ни тени беспокойства. Ни капли вины.

– Спам. Удали и забудь. Конкуренты готовы на любую грязь, чтобы меня достать.

– Я тоже так сначала подумала, – криво усмехнулась я, и этот звук проскрежетал по идеальной тишине кабинета, как вилка по тарелке. – Но любопытство, знаешь ли, страшная вещь. Я перешла по ссылке. Там было облачное хранилище. И один-единственный файл.

Я замолчала, давая ему шанс. Шанс спросить. Шанс испугаться. Шанс хотя бы сделать вид, что ему не всё равно. Но он лишь откинулся в своём кресле, похожем на трон тёмного властелина, и смерил меня скучающим, оценивающим взглядом. Взглядом, которым смотрят на плохо выполненную работу подчинённого.

– И что же там было, в этом файле? Коллекция мемов с котиками? Ты же их обожаешь.

Удар. Резкий, точный, прямо под дых. Он помнил. Он помнил эту дурацкую, интимную мелочь, но напрочь забыл о чём-то гораздо более важном. Например, о четвёртой годовщине нашей свадьбы. Которая была сегодня.

– Нет. Не котики, – я подошла к столу и опёрлась о его холодную, гладкую поверхность костяшками пальцев. Ногти впились в ладонь. – Там было видео. Десять минут сорок три секунды чистого времени. Снятое, надо отдать должное оператору, на флагманский смартфон. Картинка чёткая, звук почти студийный. Слышно даже, как шипит пар в сауне и как вы смеётесь.

Его лицо на долю секунды окаменело. Всего на долю секунды. Едва заметно дёрнулся желвак на волевом подбородке. Но я знала его слишком хорошо. Я видела этот знак. Он понял. Он всё понял.

– Главные действующие лица: ты. Твой новый партнёр, Алексей Семёнович Ордынцев, правая рука самого Воронского, того самого, что годится тебе в отцы и страдает одышкой. И две... хм, как бы их политкорректнее назвать... бизнес-консультантки? Блондинка и брюнетка. Очень эффектные. Особенно когда на них из одежды только пар и капли воды.

Я говорила ровно, почти бесцветно, словно зачитывала синопсис к фильму ужасов, на который мне не посчастливилось купить билет в первом ряду.

– Декорации – сауна в загородном клубе, где вы отмечали подписание контракта. Очень живописное место. Особенно тот стол из цельного дуба, на котором ещё лежат папки с документами, а вы... Вы на нём... закрепляете сделку. Ты и блондинка. Ордынцев и брюнетка. Очень... командная работа. Синхронная.

Он молчал. Просто смотрел на меня, и в его глазах больше не было скуки. Там появился холодный, взвешенный расчёт. Он не думал, как извиниться. Он думал, как минимизировать ущерб.

Наконец, он медленно поднялся, обошёл стол и остановился передо мной. Так близко, что я могла бы пересчитать тёмные ресницы. От него пахло дорогим парфюмом, сигарами и успехом. Чужим успехом, который он сегодня вырвал с мясом.

– Ревнуешь? – на его губах появилась та самая кривая, циничная усмешка, которая когда-то сводила меня с ума, а теперь вызывала лишь приступ тошноты. – Рина, это бизнес. Большой бизнес. Иногда, чтобы закрепить сделку, чтобы партнёр тебе доверял на сто процентов, нужно... расслабиться вместе. Показать, что ты свой. Это ничего не значит. Это просто часть игры.

Ничего. Не. Значит.

Три слова, которые стали эпитафией на могиле моей любви. На могиле нас. Всё, чем мы были, всё, во что я верила, все эти четыре года, каждая бессонная ночь, когда я поддерживала его после очередного провала, каждый его триумф, которому я радовалась больше, чем своему собственному – всё это было просто... ничем. Сопутствующий ущерб на пути к очередной галочке в его списке достижений.

И в этот момент внутри меня что-то оборвалось. С оглушительным треском, как лопается натянутый до предела стальной канат. Боль ушла. Ярость испарилась. Осталась только звенящая, кристально чистая пустота. И ясность.

Я подняла на него глаза и впервые за долгое время посмотрела не на мужа, которого любила до потери пульса, а на чужого, холодного, самодовольного мужчину.

– Ты прав, – мой голос прозвучал на удивление спокойно и твёрдо. – Ты абсолютно прав, Марк. Это действительно ничего не значит.

Он нахмурился, удивлённый моей покладистостью. Он, наверное, ждал слёз, истерики, битья посуды. Всего того, на что у меня просто не осталось сил.

– Вот и отлично, что ты понимаешь...

– Потому что нас с тобой больше нет, – закончила я свою мысль, отчётливо произнося каждое слово. – И это тоже... ничего не значит. По крайней мере, для тебя.

Я развернулась и пошла к двери. Я не бежала. Я шла. С прямой спиной. Каждый шаг отдавался гулким эхом в моём пустом сердце.

– Рина, стой! – его голос ударил в спину, в нём впервые за вечер прорезались панические нотки. – Что за глупости? Куда ты собралась?

Я остановилась у двери, но не обернулась.

– Начать новую жизнь. Ту, в которой нет места лжи, предательству и людям, для которых любовь – это просто часть игры.

– Ты не можешь уйти! – он почти рычал. – Я тебе не позволю!

Я медленно повернула голову и посмотрела на него через плечо. На его красивом, волевом лице сейчас было написано откровенное недоумение. Так смотрит ребёнок, у которого

внезапно отобрали любимую, но давно надоевшую игрушку. Он уже и забыл про неё, но сам факт того, что её забрал кто-то другой, приводит его в ярость.

– Ты уже всё позволил, Марк. Там, в той сауне. На том столе. Прощай.

Я вышла из кабинета и плотно закрыла за собой дверь, отсекая его крик. Я прошла через огромную гостиную, мимо наших свадебных фотографий в серебряных рамках, и даже не взглянула на них. Я не стала собирать вещи. Всё, что было в этом доме, было куплено на его деньги, пропитано его запахом, его эго. Мне не нужно было ничего.

Только в прихожей мой взгляд упал на стеклянную консоль, где я оставила обручальное кольцо. Оно одиноко блестело в свете дизайнерского светильника. Маленький платиновый обруч. Символ бесконечности, который оказался конечным.

В ту ночь, садясь в такси с одной лишь сумочкой в руках, я думала, что вырвала его из своего сердца с корнем. Что сожгла все мосты и похоронила прошлое под тоннами бетона и стали, из которых он так любил строить свои небоскрёбы.

Какая же я была наивная.

Потому что спустя четыре года он вернулся. Вернулся, чтобы доказать: бывшие мужья, которые внезапно становятся твоими начальниками, – это не конец света.

Это начало личного, тщательно спланированного и очень жестокого апокалипсиса.

ГЛАВА 1

КАРИНА

– Если он сейчас скажет, что для укрепления корпоративного духа мы все едем в подмосковный пансионат на тимбилдинг с верёвочным курсом и хороводами у костра, я уволюсь. Прямо здесь. Торжественно и с пафосом.

Я прошептала это, не отрывая взгляда от страдальческой физиономии нашего генерального, Павла Игоревича, который уже минут пять мялся за трибуной, словно ему натёрли новые ботинки, причём изнутри.

– Уволишься и оставишь меня одного на растерзание корпоративным шаманам? Жестоко, Богатырёва, непростительно жестоко, – так же тихо отозвался Артём Лазарев, наш главный инженер и по совместительству самый надёжный парень в радиусе пяти километров. Он сидел рядом, и от него, как всегда, пахло кофе и невозмутимым спокойствием. – К тому же, кто тебе даст уволиться? Ты же наш золотой билет. Проект небоскрёба...

– Тш-ш-ш, – я приложила палец к губам, продолжая со злорадной тревогой наблюдать за мучениями шефа. – Не спугни. Мне нравится смотреть, как он страдает. Это компенсирует мне три бессонные ночи над макетом.

Наша переговорная, обычно залитая солнцем и гудящая от творческих споров, сегодня напоминала зал ожидания в травмпункте. Все тридцать сотрудников “Проект-Генезис” сидели на своих местах с одинаково напряжёнными лицами. Воздух загустел от невысказанных вопросов и слухов, которые расползались по офису последние сутки со скоростью лесного пожара. Банкротство. Враждебное поглощение. Продажа за долги каким-то сомнительным типам из девяностых. Версии были одна другой страшнее.

Я, честно говоря, старалась сохранять олимпийское спокойствие. Моё имя в архитектурных кругах уже что-то да значило. Проект небоскрёба “Атлант”, который я вела последний год, был не просто работой – это была моя поэма из стекла и бетона, моя самая большая амбиция. С таким портфолио я могла найти работу где угодно. Но за коллектив было обидно. Мы были не просто коллегами, мы были почти семьёй. Сумасшедшей, громкой, иногда невыносимой, но семьёй.

Павел Игоревич, наконец, откашлялся в кулак, и в переговорной повисла такая тишина, что было слышно, как у кого-то в заднем ряду урчит в животе.

– Дорогие друзья, коллеги! – начал он голосом человека, собирающегося объявить о начале эпидемии. – Как вы все знаете, последние годы были... непростыми. Рынок нестабилен, конкуренция растёт...

– Сейчас заплачет, – снова прошептала я Артёму, делая вид, что рисую в своём блокноте какую-то гениальную загогулину.

– Карина, прекрати, – шикнул он, но я видела, как дёрнулся уголок его губ.

– ...и чтобы не просто выжить, а выйти на новый уровень, чтобы обеспечить нашему бюро будущее, я принял непростое, но, я уверен, верное решение, – шеф сделал драматическую паузу и обвёл нас взглядом мученика. – Архитектурное бюро “Проект-Генезис” становится частью одного из крупнейших игроков на строительном рынке. Частью строительного гиганта “Империум”.

По рядам пронёсся вздох. Смесь ужаса и облегчения. “Империум”. Монстр. Гигант. Акула, которая сжирала конкурентов на завтрак, не поперхнувшись. С одной стороны, это означало стабильность и огромные бюджеты. С другой – конец нашей ламповой, почти семейной атмосферы. Прощайте, пиццы по пятницам и дурацкие корпоративы. Здравствуйте, жёсткий регламент, дресс-код и отчёты в трёх экземплярах.

– И сейчас я хочу представить вам нового владельца и генерального директора, который лично... – Павел Игоревич запнулся и посмотрел на дверь, словно ждал оттуда знамения.

Дверь открылась. Бесшумно и плавно.

И время для меня остановилось. Замерло. Рассыпалось на миллиарды ледяных осколков, впившихся в каждый сантиметр моей кожи.

В переговорную вошёл он.

Марк Богатырёв.

Мой бывший муж.

Четыре года. Тысяча четыреста шестьдесят дней я не видела его лица вживую. Только мельком на обложках деловых журналов, которые я тут же брезгливо захлопывала. Тысяча четыреста шестьдесят дней я училась дышать без него, жить без него, не вспоминать его. Я выстроила вокруг своего сердца крепость с высоченными стенами и рвом, кишашим крокодилами. Я стала другой. Сильной. Независимой. Той, которую невозможно ранить.

И вся моя крепость рухнула в одну секунду от одного его взгляда.

Он почти не изменился. Стал, может, ещё жёстче. Шире в плечах. На волевом подбородке появилась лёгкая щетина, которая делала его вид ещё более хищным и опасным. Короткие тёмные волосы. Идеально скроенный костюм цвета мокрого асфальта, который стоил, как вся моя машина. И глаза. Всё те же глаза цвета холодной стали, которые сейчас медленно, будто пробуя на вкус, скользили по лицам моих ошарашенных коллег.

Он не видел меня. Пока ещё не видел.

Я вжалась в кресло, инстинктивно пытаюсь стать меньше, незаметнее. Сердце колотилось о рёбра с такой силой, что, казалось, его стук слышен на том конце зала. В горле пересохло. В голове не было ни одной мысли, только оглушающий белый шум.

Это не может быть правдой. Это дурной сон. Галлюцинация от недосыпа. Сейчас я моргну, и он исчезнет.

Я моргнула. Он не исчез.

Он остановился в центре, рядом с поникшим Павлом Игоревичем, и его взгляд впился в меня. Буквально. Словно знал, где меня искать и поймал на прицел.

Это длилось всего мгновение. Но в этом мгновении была целая вечность. В его глазах не было удивления. Ни капли. Только что-то тёмное, тяжёлое. И триумф. Неприкрытый, хищный триумф волка, который после долгой охоты, наконец, загнал в угол свою добычу.

Он знал. Он всё знал. Он знал, что я здесь работаю. Эта покупка... это не просто бизнес. Это было ради меня.

Осознание ударило наотмашь, вышибая остатки воздуха из лёгких. Белый шум в голове сменился оглушающей, всепоглощающей яростью. Она хлынула горячей волной, выжигая страх, выжигая шок, оставляя после себя только звенящую, холодную сталь.

По залу пронёсся шёпот, сначала тихий, потом всё более отчётливый.

– Это же Богатырёв... тот самый? Владелец «Имперiums»?

– Погоди, а она же... тоже Богатырёва? Карина?

– Говорят, он её бывший... Вот это номер! Он что, специально нас купил?

Я чувствовала, как десятки глаз перебегают с его ледяного лица на моё, пытаюсь уловить хоть что-то. Унижение было публичным. Идеально рассчитанным. И от этого ещё более болезненным.

– Добрый день, – его голос, низкий и властный, разрезал тишину, как скальпель. Никаких вступлений. Никаких реверансов. – Меня зовут Марк Богатырёв. С этого дня «Проект-Генезис» – часть моей компании. Павел Игоревич останется в качестве консультанта на переходный период.

Он говорил, а смотрел только на меня. И каждый в этой комнате это чувствовал. Напряжение стало почти осязаемым.

– Я не сторонник резких перемен, – солгал он, не моргнув глазом. – Но я сторонник эффективности. В ближайшие дни служба безопасности и HR проведут аудит. Будет реструктуризация. Некоторые должности будут упразднены. Некоторые сотрудники нас покинут.

По рядам снова пронёсся испуганный шёпот. Он наслаждался этим. Властью. Страхом в чужих глазах.

– Те, кто останутся, получают лучшие условия на рынке. И возможность работать над самыми амбициозными проектами в этой стране. Но чтобы заслужить это право, мне нужно лично понять, кто чего стоит.

Он сделал паузу, обводя комнату своим властным взглядом. И снова остановился на мне. На его губах появилась едва заметная, почти невидимая усмешка. Усмешка палача.

– А теперь я хотел бы лично пообщаться с ключевыми сотрудниками. Богатырёва.

Моё имя, произнесённое его голосом, прозвучало как выстрел. Как приговор. Как клеймо, от которого я так и не смогла избавиться, потому что смена всех документов после развода была той ещё бюрократической пыткой.

– В мой кабинет. Сейчас же.

Весь мир сузился до его фигуры и этих шести слов. Я чувствовала на себе десятки взглядов – сочувствующих, любопытных, испуганных. Артём рядом со мной замер, его рука дёрнулась, словно он хотел меня остановить, защитить.

Я медленно, подчёркнуто спокойно, закрыла свой блокнот. Положила на него ручку. Взяла со стола телефон. И поднялась. Мои ноги были ватными, но я заставила их держать меня прямо. Моя спина была идеально ровной. Моё лицо – непроницаемой маской вежливого безразличия.

– Ну вот... – шуршали в разнобой коллеги. – Из-за неё у нас будут проблемы.

– А может наоборот...

– Ага, поэтому начал он сразу с неё...

– Да хватит сплетничать. Лишь бы работать давал.

Я шла через всю переговорную к двери, которую он придержал для меня. Я чувствовала его взгляд на своём затылке. Прожигающий. Собственнический. Каждый шаг был пыткой. Каждый шаг – объявлением войны.

Он захлопнул за мной дверь, отрезая от мира, который ещё пять минут назад был моим. Мы остались одни в длинном, пустом коридоре.

Он молчал. Просто шёл рядом. Слишком близко. Я чувствовала жар, исходящий от его тела. Я улавливала знакомый до боли, до спазма в желудке аромат его парфюма – горький, терпкий, с нотами сандала и чего-то ещё, чего-то только его. Аромат, который четыре года преследовал меня в кошмарах.

Он привёл меня в кабинет Павла Игоревича. Теперь – свой кабинет. Он прошёл внутрь и остановился у огромного панорамного окна, заложив руки в карманы брюк. Поза хозяина мира. Точно так же, как в тот вечер. Четыре года назад.

Я замерла у двери, не решаясь войти в эту клетку.

– Проходи, Карина. Не стой в дверях, – его голос стал другим. Тише. Глубже. Он назвал меня по имени. Так, как не называл уже целую вечность. Ласково, интимно, словно мы не в офисе, а в нашей бывшей спальне.

Я сделала шаг внутрь. Дверь за мной захлопнулась с тихим щелчком.

Ловушка захлопнулась.

ГЛАВА 2

КАРИНА

Ловушка захлопнулась.

Этот тихий щелчок дверного замка прозвучал в моей голове громче выстрела. Я осталась стоять у двери, не решаясь сделать и шага вглубь кабинета, который ещё утром принадлежал моему начальнику, а теперь превратился в логово дьявола. Моего личного, персонального дьявола с глазами цвета холодной стали.

– Итак? – я скрестила руки на груди, впиваясь ногтями в предплечья, чтобы унять предательскую дрожь. Голос прозвучал на удивление ровно, даже с ноткой яда. – Шоу окончено? Можно расходиться по рабочим местам и делать вид, что мы не в курсе, какой цирк с конями ты тут устроил?

Кабинет Павла Игоревича, а теперь, очевидно, его кабинет, казался чужим и враждебным. Марк не сел за стол, не занял кресло, похожее на трон. Вместо этого он начал медленно обходить меня по кругу, как акула, изучающая свою жертву перед атакой. Его шаги были бесшумными на толстом ковре, но каждый отдавался в моей голове гулким ударом метронома, отсчитывающего секунды до взрыва.

– Цирк? – он остановился за моей спиной. Так близко, что я почувствовала жар его тела сквозь тонкую ткань блузки. Его голос, низкий, с той самой хрипотцой, от которой у меня когда-то слабели ноги, прозвучал у самого уха. – О нет, моя дорогая бывшая жена. Цирк только начинается. И у тебя в нём главная роль. Прима-балерина на арене имени меня.

Его рука легла мне на талию. Не грубо, не властно. Почти нежно. И от этой лживой, показной нежности по коже пробежал табун ледяных мурашек. Пальцы чуть сжались, сминая шёлк блузки, посылая разряды тока по всем нервным окончаниям. Он помнил. Он, чёрт возьми, помнил, как я реагировала на его прикосновения. Я резко шагнула вперёд, вырываясь из его хватки.

– Не прикасайся ко мне, – прошипела я, разворачиваясь к нему лицом. Ярость придала мне сил, выпрямила спину. – И не смей называть меня по имени. Для тебя я – Карина Андреевна. Ведущий архитектор-дизайнер этого бюро. И твой подчинённый. Пока что.

На его губах появилась та самая кривая, циничная усмешка, которая когда-то сводила меня с ума, а теперь вызывала лишь приступ тошноты.

– «Пока что»? Какая смелая формулировка, – он опёрся бедром о край массивного стола, скрестив руки на груди. Поза хозяина положения. – Ты же не думала, что я позволю тебе снова просто так уйти?

Я рассмеялась. Коротко, зло. Звук получился похожим на скрежет стекла по металлу.

– Ты не мой муж, Марк, ты мой начальник. И я могу уволиться. Прямо сейчас. Заявление ляжет на этот твой стол через пять минут.

Его глаза, цвета холодной стали, потемнели. Он смотрел на меня долго, изучающе, словно пытался прожечь во мне дыру одним взглядом. А потом его лицо стало до пугающего спокойным.

– Попробуй, – сказал он тихо, но в этой тишине было больше угрозы, чем в любом крике. – Подойди к столу.

Что-то в его тоне заставило меня подчиниться. Я подошла, держа спину идеально прямо, не позволяя себе показать ни капли страха. На полированной поверхности красного дерева лежал один-единственный документ. Мой новый трудовой договор. Тот самый, который я, как и все остальные, подписала неделю назад, не глядя.

– Я шил в твой контракт такой маленький, но пикантный пункт о неустойке, что тебе придётся продать в рабство не только себя, но и свою язвительную подружку с её баром,

полным пробирок, – буднично сообщил он, постукивая пальцем по определённом абзацу. – Пункт 7.4. В случае досрочного расторжения договора по инициативе сотрудника, занимающего ключевую должность, сотрудник обязуется выплатить компании компенсацию в размере... – он сделал паузу, смакуя момент, – ...десяти миллионов. Рублей, разумеется. Я пока не торгую людьми за доллары. Это не мой профиль.

Десять миллионов. Цифра взорвалась в моей голове ослепительной вспышкой. Я уставилась на строчки договора, на свою размашистую подпись внизу. Сердце пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле, мешая дышать. Вспыхнуло воспоминание: Павел Игоревич, суетливо подсовывающий мне кипу бумаг. «Кариночка, это просто формальность, плановое обновление в связи с реструктуризацией, подпиши, не глядя, у меня голова кругом». И я подписала. Дура. Самонадеянная, доверчивая дура!

– Это... это незаконно, – выдохнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. – Ни один суд...

– Ошибаешься, – перебил он, его голос был холоден, как лёд. – Мои юристы – лучшие в стране. Договор составлен безупречно. Ты – ключевой сотрудник, ведущий флагманский проект «Атлант», от которого зависит репутация и будущая прибыль компании. Твой уход – это прямой ущерб. Всё абсолютно легально. Можешь нанять адвоката. Он скажет тебе то же самое, предварительно выставив счёт тысяч на сто. Или даже двести. Инфляция, знаешь ли.

Я смотрела на свою подпись, и меня затопила волна тупой, бессильной ярости. В первую очередь – на саму себя. На свою доверчивость. На свою глупость.

– Павел Игоревич уверял, что это простая формальность... – прошептала я, скорее для себя, чем для него.

– Павел Игоревич теперь работает на меня, – отрезал Марк. – И он сделал то, что я ему сказал. Он продал мне не просто бюро. Он продал мне тебя, Рина. Со всеми потрохами.

Он снова назвал меня этим именем. Рина. Так, как не смел называть никто уже четыре года. И это стало последней каплей. Холодная ярость сменилась обжигающим бешенством. Я подняла на него глаза.

– Зачем? – выплонула я. – Зачем тебе всё это? Мало компаний, которые можно купить? Мало женщин, которых можно унижить? Решил отомстить за то, что я посмела от тебя уйти? Потешить своё эго?

Он шагнул ко мне, сокращая расстояние до минимума. Схватил меня за подбородок, заставляя смотреть ему прямо в глаза. Его пальцы были как стальные тиски.

– Эго? – прорычал он мне в лицо, и я почувствовала на своей коже его горячее дыхание с нотками кофе и чего-то ещё, только его, до боли знакомого. – Ты думаешь, дело в эго? Я четыре года пытался выжить тебя из своей памяти. Я строил империю, спал с женщинами, от которых пахло чужими духами, и каждую ночь, закрывая глаза, я видел твоё лицо. Я просыпался в холодном поту, потому что мне снилось, как ты смеёшься с кем-то другим! Ты – моя болезнь. Моя лихорадка. И я пришёл не мстить. Я пришёл забрать своё лекарство.

Его губы были в миллиметре от моих. Я видела каждую тёмную ресницу, каждую искорку в его стальных глазах. Мир сузился до этого пространства между нами, наэлектризованного ненавистью, болью и чем-то ещё... чем-то тёмным и пугающе знакомым. Моё тело, предатель, помнило его. Помнило его запах, его прикосновения, вкус его губ. И оно откликнулось. Противной, унижительной дрожью. Низ живота свело сладкой судорогой, и я возненавидела себя за это ещё сильнее.

– Я не твоё лекарство, – процедила я сквозь сжатые зубы, собирая в кулак остатки воли. – Я твой яд. И я убью тебя, если ты ещё раз ко мне прикоснёшься.

И я сделала то, чего он точно не ожидал. Моя рука взметнулась в воздух, и звонкий, хлесткий звук пощёчины эхом отразился от стен дорогого кабинета. Его голова дёрнулась в

сторону. На щеке мгновенно проступил красный след от моих пальцев. В наступившей тишине было слышно лишь моё тяжёлое, сбивчивое дыхание.

Он молчал. Медленно, очень медленно повернул голову обратно. Я ожидала чего угодно: ярости, крика, ответного удара. Но он лишь криво усмехнулся, а в его глазах полыхнул тёмный, опасный огонь. Он провёл языком по внутренней стороне щеки и тихо, почти ласково, произнёс:

– Плохая девочка. Очень плохая.

Затем он отпустил мой подбородок так же резко, как и схватил.

Я отшатнулась, хватая ртом воздух, словно после долгого погружения под воду.

– Я не буду с тобой работать.

– Будешь, – его взгляд скользнул к моим губам, потом ниже, к шее, где всё ещё горела кожа от его близости. Он сделал шаг, снова вторгаясь в моё личное пространство, и я инстинктивно отступила, пока не упёрлась спиной в холодную стену. Он навис надо мной, уперев руки в стену по обе стороны от моей головы, запирая меня в ловушку из своего тела. Его тепло обволакивало, вызывая в памяти фантомные ощущения его рук на моей талии, его губ на моей шее. – Ты будешь приходить сюда каждый день. Ты будешь сидеть в своём кабинете напротив моего. Ты будешь отчитываться мне за каждую линию на чертеже. Ты будешь ездить со мной на совещания и презентации. Ты будешь моей. С девяти до шести. А может, и дольше. Пока я не решу, что с тебя хватит.

Это было не предложение. Это было объявление оккупации. Он не просто возвращал меня в свою жизнь. Он хотел колонизировать мою. Захватить ту территорию, которую я с таким трудом отвоевала для себя.

– Ты тиран и собственник, – выдохнула я, глядя ему прямо в глаза.

– Я твой муж, – поправил он с лёгкой усмешкой.

– Бывший.

– И твой начальник. И я просто хочу вернуть то, что принадлежит мне по праву.

– Я тебе не принадлежу! Никогда не принадлежала!

– Мы это ещё обсудим, – он отступил на шаг, давая мне возможность дышать. – А пока... привыкай к новой реальности, Карина. Ты в клетке. Да, она красивая, просторная, с отличным видом из окна и прекрасной зарплатой. Но это клетка. И ключ от неё – у меня. Так что, у тебя есть два варианта, – его голос снова стал ровным и деловым. – Первый: ты пытаешься уволиться, я подаю на тебя в суд, разоряю до нитки и вношу в чёрный список всех архитектурных бюро страны. Ты больше никогда не сможешь построить даже собачью будку. Заодно проверю на прочность бизнес твоей подруги – налоговая, пожарные, санэпидемстанция... Уверен, они найдут много интересного в её «Пробирке».

Удар был нанесён точно в цель. Ника. Он угрожал Нике. Моей единственной опоре, моему самому близкому человеку. Подонок. Он знал, куда бить.

– Второй: ты остаёшься. Работаешь. Заканчиваешь свой «Атлант». И ведёшь себя как шёлковая. По крайней мере, на людях. Какой вариант тебе больше нравится?

Это был не вопрос. Это был ультиматум. Приговор, обжалованию не подлежащий. Он загнал меня в клетку и теперь предлагал выбрать её цвет.

– Я тебя ненавижу, – выдохнула я. Это было всё, что у меня осталось.

– Чувства – это роскошь, которую ты больше не можешь себе позволить, – он обернулся, и его лицо было непроницаемой маской. – Завтра в девять ноль-ноль совещание по «Атланту». У меня. Не опаздывать. А теперь иди. У меня много работы.

Он развернулся и сел в кресло. Своё кресло. Хозяин положения. А я так и осталась стоять посреди кабинета, раздавленная, униженная, но не сломленная.

Ярость, холодная и чистая, придала мне сил.

– Хорошо, – сказала я так спокойно, что он удивлённо поднял бровь. – Я принимаю твои условия, начальник. Я буду выполнять свои обязанности. Строго в рамках контракта и профессиональной этики. Ничего личного. Ты получишь свой небоскрёб. Самый лучший. Такой, что все ахнут. Я вложу в него весь свой талант. А потом, когда он будет готов, я найду способ заплатить твою неустойку. Даже если мне придётся продать душу дьяволу. Хотя... зачем искать кого-то ещё, если он сидит прямо передо мной?

Я развернулась и пошла к двери, не дожидаясь его ответа. Я не хлопнула дверью. Я закрыла её тихо. Но этот тихий щелчок прозвучал громче любого выстрела.

Война началась. И я знала, что проиграть в ней – значит потерять не просто свободу. Значит – потерять себя. Снова. А этого я допустить уже не могла. И пусть он думает, что запер меня в клетке. Он забыл одну важную деталь: даже в клетке хищник остаётся хищником.

Я прошла через приёмную, мимо испуганной секретарши Павла Игоревича. Вошла в наш опенспейс, и на меня тут же устремились тридцать пар глаз. Я чувствовала их взгляды на своей спине – любопытные, сочувствующие, злорадные. Я слышала обрывки шёпота, которые теперь были громче и увереннее:

– ...точно бывшие, я тебе говорю...

– ...лицо видела? На ней лица нет...

– ...вот это он её прижал, конечно... Поставил на место бывшую, которая посмела сбежать...

– ...теперь понятно, почему он её первой вызвал. Публичная порка.

Я шла к своему столу, как по минному полю, боясь поднять глаза. Артём вскочил мне навстречу, его лицо было полно неподдельного беспокойства.

– Рина, что он сказал? Ты в порядке?

Я не смогла ему ничего ответить. Просто взяла свою сумку, бросила на стол телефон и, не говоря ни слова, пошла к выходу. Прочь из этого здания, которое за один час превратилось из дома в тюрьму. Прочь от него. Хотя я уже понимала – от него мне больше не сбежать. И единственное, что я хотела в тот момент – это добраться до бара Ники, залить в себя двойной виски и разработать план. План холодной, жестокой и очень профессиональной войны.

ГЛАВА 3

МАРК

– Ну что, доволен? Тонко, как удар кувалдой. Я аплодирую стоя.

Голос Стаса Ключева в динамике телефона был сухим, как пустынный ветер, и пропитан сарказмом до последней молекулы. Он единственный человек на этой планете, кто мог позволить себе говорить со мной таким тоном. Возможно, потому, что он единственный, кто видел меня не на обложке Forbes, а на полу в собственной квартире, вдребезги пьяного и разбитого, три дня после того, как она ушла.

– Она должна была понять всё сразу, – ответил я, не отрывая взгляда от крошечной фигурки, вышедшей из парадного входа бизнес-центра. – Никаких полумер. Никаких игр в кошки-мышки. Я пришёл, чтобы забрать своё.

Я стоял у панорамного окна в своём новом, только что завоёванном кабинете, и смотрел вниз. Не на город, раскинувшийся у моих ног послушным, сверкающим ковром. А на неё. На Карину. Мою бывшую жену. Моего нового главного архитектора. Мою одержимость.

Даже с высоты сорокового этажа я узнал бы её из тысячи. Резкая, чуть рваная линия стрижки, гордая осанка и та особенная походка – стремительная, будто она вечно куда-то опаздывает, но при этом ни на секунду не теряющая достоинства. Она замерла на тротуаре, подняла голову и посмотрела точно на моё окно. Конечно, она не могла меня видеть сквозь тонированное стекло, но я почувствовал её взгляд, как физический удар. Ледяной, полный ненависти. Мои кулаки сжались сами собой, до побелевших костяшек. Ногти впились в ладони, оставляя на коже багровые полумесяцы.

– «Своё»? – хмыкнул Стас на том конце провода. – Марк, она не вещь. Не пакет акций, который ты можешь вернуть через арбитражный суд. Она четыре года строила свою жизнь. Без тебя. И, судя по тому, как она прошла мимо меня в коридоре, сжав кулаки так, что костяшки побелели, она скорее выпрыгнет с этого твоего сорокового этажа, чем снова станет «твоей».

Он видел её лицо после нашего разговора. Разумеется, видел. Я сам попросил его быть где-то поблизости. Проконтролировать. Подстраховать. Старый рефлекс, который я так и не смог в себе искоренить.

– Она не выпрыгнет. У неё слишком сильный инстинкт самосохранения, – я криво усмехнулся, наблюдая, как она резко развернулась и зашагала прочь, в противоположную от парковки сторону. Не к своей машине. Просто прочь. Подальше от этого здания. От меня. – И я вшил в её контракт такую неустойку, что для прыжка ей понадобится золотой парашют.

– Безумие, завёрнутое в одержимость, – констатировал Стас с усталостью в голосе. – Ты потратил полгода и сумму, сопоставимую с ВВП небольшой африканской страны, чтобы купить это захудалое бюро. Чтобы загнать её в угол. И ради чего? Чтобы она тебя ненавидела ещё сильнее? Гениальный план, Богатырёв. Надёжный, как швейцарские часы. Если бы их делали сумасшедшие.

Его слова не злили. Они были правдой. Но правдой поверхностной, не затрагивающей сути. Он видел лишь верхушку айсберга, не представляя, какая ледяная глыба отчаяния и ярости скрывается под водой. Он не знал, каково это – четыре года просыпаться в пустой постели, где всё ещё чудится её запах. Он не знал, каково это – видеть её в каждой второй брюнетке на улице и каждый раз чувствовать, как сердце делает болезненный кульбит. Он не знал, что такое пустота. Та самая, что осталась после неё. Тишина, густая, как остывающая смола, которая заполнила наш огромный пентхаус после того, как за ней захлопнулась дверь. Я тогда разнёс свой кабинет. В щепки. Превратил в руины всё, до чего дотянулись руки. А потом просто сел на пол среди осколков и понял, что разрушил не мебель. Я разрушил себя. И собрать заново

так и не смог. Все эти годы я был лишь оболочкой, функциональным механизмом по зарабатыванию денег, внутри которого выл ледяной ветер.

– Ты не понимаешь, – выдавил я, прижимаясь лбом к холодному стеклу.

– О, я как раз всё понимаю! – в его голосе зазвенел металл. – Я понимаю, что до твоего тридцать второго дня рождения осталось меньше семи месяцев. Я понимаю, что по завещанию твоего деда ты должен быть не просто женат, а иметь наследника. В противном случае контрольный пакет «Империума» уплывает к благотворительному фонду имени его покойной болонки. И я понимаю, что твоя охота на бывшую жену – это самый отчаянный и циничный бизнес-проект в твоей жизни.

Кровь ударила мне в виски. Телефон в руке затрещал под натиском пальцев.

– Не смей. Слышишь, Стас, не смей всё сводить к этому проклятому завещанию! – прорычал я, едва сдерживаясь. – Отец дал мне дедлайн, но даже без его ультиматума я бы всё равно сжёг мир, чтобы её вернуть. Просто сделал бы это позже, может, на год, на два. А он... он просто нажал на спусковой крючок. Дал мне официальный повод сделать то, чего я хотел с той самой ночи, как она ушла. Вернуть её. Любой ценой. Завещание – это просто предлог. Удобная ширма. Но причина... причина в том, что я без неё не могу дышать.

На том конце провода повисла тишина. Стас был единственным, кому я мог это сказать. И единственным, кто понимал, что это не красивые слова, а диагноз.

– Ладно, прости, – наконец, вздохнул он, поняв, что перегнул палку. – Но пойми и ты. Ты играешь с огнём. Эта женщина – не та наивная девочка, на которой ты женился. Она тебя сожжёт и даже пепла не оставит. И я не уверен, что хочу потом соскребать то, что от тебя останется, со стен этого кабинета.

– Я не повторяю ошибок, Стас. Я их исправляю. Любой ценой.

Я сбросил вызов, не дожидаясь ответа. Бросил телефон на стол и сел в кресло. Своё кресло. Оно ещё хранило едва уловимый запах дорогого парфюма Павла Игоревича. Запах поражения. Мне нравился этот запах.

На огромном сенсорном экране стола я открыл папку. Личное дело. Богатырёва Карина Андреевна. Ведущий архитектор-дизайнер.

Я нажал на иконку с фотографией. Она стояла на фоне строящегося объекта, в белой каске, сдвинутой на затылок. Растрёпанные тёмные волосы выбивались из-под неё, ветер трепал их. На губах играла лёгкая, чуть насмешливая ухмылка, а в карих глазах с золотистыми искорками плясали черти. Она смотрела не в камеру, а куда-то в сторону, на своего собеседника. И в этом взгляде было столько жизни, столько уверенности и дерзости, что у меня свело челюсти.

Она стала ещё красивее. Четыре года отточили её, как хороший скульптор отсекает от мрамора всё лишнее. Ушла девичья мягкость, появилась острая, опасная грация. Уверенность женщины, которая знает себе цену. Женщины, которая выжила после кораблекрушения и научилась строить свои собственные корабли.

Я пролистал дальше. Портфолио. Проекты, которые она вела. Каждый – смелый, нестандартный, кричащий о таланте. Я почувствовал укол профессиональной гордости. И дикую, иррациональную ревность. Это всё она сделала без меня. Она стала собой – без меня.

Я долистал её личное дело до конца. Анкета. Семейное положение: «в разводе». Адрес проживания. Телефон. И последняя графа, которую я едва не пропустил. «Контактное лицо на случай чрезвычайной ситуации».

Артём Лазарев.

И номер его телефона.

Кто это, чёрт возьми, такой?

Я вбил имя в корпоративную базу. Главный инженер «Проект-Генезис». Фотография. Приятное, открытое лицо. Умные глаза за стёклами очков в тонкой оправе. Спокойная улыбка.

Типаж «хорошего парня», от которого у меня всегда начиналась аллергия. Тот самый, который будет носить ей по утрам кофе с корицей и помнить дату знакомства её родителей.

И он – её контакт на случай ЧП. Человек, которому позвонят, если с ней что-то случится. Не лучшей подруге. Не родителям. Ему.

Планшет в моих руках угрожающе скрипнул. Холодная, тёмная ярость поднялась со дна души, затапливая всё. Это было хуже, чем ревность. Это было чувство осквернения. Кто-то чужой посмел занять моё место. Этот Лазарев... Он не просто коллега.

Я вспомнил, как она смотрела в сторону на той фотографии со стройки. С лёгкой, тёплой усмешкой. Она смотрела на него. Я был готов поставить на это весь свой холдинг.

Четыре года я тешил себя мыслью, что никого равного мне она найти не сможет. Каким же я был самонадеянным идиотом. Она не искала равного. Она искала другого. Противоположность. Тихую гавань после моего шторма.

И я не позволю ей бросить якорь в этой гавани.

Я снова набрал номер Стаса.

– Чего ещё? – отозвался он почти мгновенно.

– Пробей мне всё по этому Лазареву. Артём Лазарев. Главный инженер. Контакты, связи с Богатырёвой, соцсети, кредитная история, размер обуви, любимый сорт чая, кличка хомячка в детстве. Мне нужно знать о нём больше, чем знала его собственная мать.

В голосе Стаса послышался тяжёлый вздох.

– Марк, может, не надо? Ты же понимаешь, что она...

– Надо, Стас. И поставь за ней наружку на вечер. Ненавязчиво, профессионально. Хочу знать каждый её шаг, каждый вздох. Куда пойдёт, с кем встретится. Особенно, если этот кто-то будет Лазарев.

– Ты становишься параноиком.

– Я становлюсь информированным, – отрезал я. – И ещё. Завтрашнее совещание. Я хочу, чтобы Лазарев выступил первым. С полным отчётом по техническим расчётам «Атланта». Передай ему, чтобы готовился. Досконально. Пусть не спит всю ночь, но чтобы отчёт был безупречным.

На том конце провода повисла пауза. Стас всё понял.

– Ты собираешься его уничтожить, – это был не вопрос, а констатация факта. – Публично. На глазах у неё.

– Я собираюсь показать дилетанту его место, – уточнил я, глядя на фотографию «хорошего парня» на экране. – И показать ей, что её тихая гавань – это всего лишь лужа, которую я могу осушить одним щелчком пальцев. Она хотела войны? Она её получит. Но воевать я буду не с ней. Я буду уничтожать всё, что она успела построить вокруг себя за эти четыре года. Камень за камнем. Человек за человеком. Пока она не останется одна, посреди руин своей новой жизни. И тогда она поймёт, что единственное безопасное место для неё – рядом со мной.

Я снова посмотрел на её фотографию в личном деле. На её дерзкую, непокорную улыбку, которая бросала мне вызов даже с экрана.

Она – моя. Она просто ещё не поняла, что уже вернулась домой.

ГЛАВА 4

КАРИНА

– Двойной. Чистый. И не спрашивай, что случилось. Просто налей.

Слова вылетели из меня раньше, чем я успела отдышаться, захлопнув за собой тяжёлую дубовую дверь бара. Они прозвучали хрипло, как скрежет металла по стеклу, и повисли в полумраке, пропитанном запахом хмеля, дерева и чего-то неуловимо сладкого, похожего на сожжённый сахар.

Бар Ники «Пробирка» был моим убежищем. Моим персональным бункером. Небольшое подвальное помещение в старом московском переулке, с кирпичными стенами, уставленными сотнями колб, реторт и мензурок с разноцветными жидкостями, тусклым неоновым светом и лучшей музыкой в городе. Здесь пахло можжевельником, лаймом, пыльными книгами и свободой. Той самой свободой, которой меня сегодня так показательно и жестоко лишили.

А его хозяйкой была Вероника Смехова, моя лучшая, единственная и совершенно безбашенная подруга. Выслушав заказ, она не сдвинулась с места. Ника продолжала невозмутимо протирать бокал белоснежным полотенцем, и только её идеально выщипанная бровь медленно поползла вверх. Она окинула меня взглядом – от растрёпанных волос до сжатых в белые костяшки кулаков – и её губы, подчёркнутые вишнёвой помадой, скривились в знакомой, саркастичной усмешке.

– Богатырёв, значит, – констатировала она, а не спросила. – Я так и знала, что однажды эта фамилия снова принесёт тебе неприятности. Только думала, что это будет связано с разделом имущества, а не с нервным срывом посреди рабочего дня. Двойной, говоришь? Похоже, одним тут не обойдётся.

Она отставила бокал, её движения были точными и экономичными, как у хирурга. Повернувшись к полкам, уставленным батареей бутылок, подсвеченных изнутри тёплым янтарным светом, она взяла самую дорогую, ту, что мы открывали только по особым случаям. Сегодня, очевидно, был именно такой.

Я рухнула на высокий барный стул, чувствуя, как адреналин, державший меня на ногах последние полчаса, начинает отступать, уступая место липкому, тошнотворному страху. Моя крепость, которую я так тщательно выстраивала четыре года, кирпичик за кирпичиком, – рухнула. Не просто дала трещину, а разлетелась в пыль от одного его взгляда, от одного его голоса.

– Он купил «Проект-Генезис», – выдавила я, глядя на свои дрожащие руки, лежащие на прохладной медной поверхности стойки. – Он мой новый босс.

Ника поставила передо мной тяжёлый хрустальный стакан с щедрой порцией виски. Лёд тихо звякнул.

– Ну, поздравляю, – её голос был пропитан ядом. – Теперь ты официально рабыня Изаура. Или мне лучше поискать в гугле, как звали наложниц в гареме у султана? Уверена, у твоего бывшего амбиции где-то на том же уровне.

Я сделала большой глоток. Огненная жидкость обожгла горло, но принесла странное, извращённое облегчение.

– Хуже, Ник. Гораздо хуже.

И я рассказала ей всё. Про утреннее собрание, про его триумфальное появление, про ледяной ужас, сковавший меня при виде него. Про шёпот коллег за спиной. Про разговор в кабинете, который теперь был его кабинетом. Про контракт.

Когда я дошла до пункта о неустойке, Ника, до этого слушавшая меня с каменным лицом, присвистнула.

– Десять миллионов? Он что, купил тебя вместе с мебелью и фикусом в кадке? – она взяла мой стакан, плеснула туда ещё виски, не обращая внимания на мой слабый протест. –

Это не контракт, Рина. Это акт купли-продажи. Он тебя не на работу нанял, он тебя купил. Со всеми потрохами. И сделал это так, что ты сама под этим подписалась.

Она была права. И от этой правоты хотелось выть.

– Я была такой дурой! – я ударила кулаком по стойке. Несильно, но стаканы на полке сочувственно звякнули. – «Плановое обновление трудовых соглашений в связи с реструктуризацией». Павел Игоревич так убедительно щебетал об этом неделю назад! Вся команда подписала, не глядя. Огромная кипа бумаг, мелкий шрифт... Кто вообще читает эту юридическую муть? Павел Игоревич уверял, что это простая формальность, и я, дура, ему поверила!

– Тот, кто хоть раз имел дело с Марком Богатырёвым, – отрезала Ника. – Ты забыла его главное правило, подруга? Он никогда не играет, если не может выиграть. И он всегда читает мелкий шрифт. Особенно тот, который пишет сам.

Она обошла стойку и села рядом, обняв меня за плечи. От неё пахло корицей и её любимыми духами с нотой горького апельсина. Запах дома. Запах безопасности.

– Что он сказал? Зачем ему это? – спросила она уже тише, без сарказма.

Я закрыла глаза, и его лицо снова встало передо мной. Слишком близко. Его стальные глаза, в которых плескалась тёмная, пугающая одержимость. Его губы, произносящие эти страшные слова.

– Он сказал... – мой голос сорвался, и я заставила себя говорить дальше, – ...что я его болезнь. Его лекарство. И он пришёл забрать своё.

– Какая пафосная чушь, – фыркнула Ника, но её пальцы сжали моё плечо сильнее. – Прямо цитата из дешёвого романа для домохозяек. Ему не лекарство нужно, ему нужно это своё потешить. Он не простил, что ты ушла первой. Такие, как он, не прощают. Они должны бросать сами. А ты сломала ему сценарий. Вот он и решил переписать пьесу заново, на своих условиях.

Может, она и была права. Но то, что я видела в его глазах, было страшнее уязвлённого эго. Это была одержимость. Холодная, расчётливая, всепоглощающая. Он не просто хотел вернуть меня. Он хотел сломать меня. Пересобрать заново по своему образу и подобию.

– Он подошёл так близко, Ник... я снова почувствовала его запах. Этот проклятый сандал и что-то ещё, горькое, как полынь. И я поняла, что моё тело – грёбаный предатель. Оно его помнит. Каждое прикосновение. Каждый шёпот. Оно откликнулось... И в этот момент я возненавидела себя почти так же сильно, как его.

– Так, – Ника решительно забрала у меня стакан. – Нытьё отставить. Включаем мозг. Он думает, что загнал тебя в угол. Отлично. Пусть пока так и думает. Но мы найдём выход.

Она спрыгнула со стула и начала мерить шагами крошечное пространство за баром, её короткая кожаная юбка вызывающе покачивалась в такт шагам. Её энергия была заразной, как вирус.

– Итак, план действий следующий. Пункт первый: мы нанимаем труппу стриптизёров-карликов. Обязательно в костюмах гномов из «Белоснежки». И отправляем их к нему в офис в разгар совещания с инвесторами. Представляешь его лицо, когда Гном-Ворчун начнёт тереться ширинкой о его ботинок за пять тысяч евро? Пункт второй: я подкупаю его бариста, и трижды в день тот будет подсыпать ему в эспрессо мощнейший пурген. Пусть проводит свои гениальные совещания, сидя на фарфоровом троне. Пункт третий...

– Ника, остановись, – я не выдержала и рассмеялась. Впервые за этот бесконечный, кошмарный день. Смех получился хриплым, сдавленным, больше похожим на кашель, но он был настоящим. Он прорвался сквозь ледяную корку шока и ярости, которая сковала меня с той самой секунды, как Марк вошёл в нашу переговорную. – От твоих планов мести у меня скоро разовьётся паранойя и непереносимость лактозы. И гномов.

– Это не мечь, дорогая. Это терапия, – Вероника с грохотом опустила на столик передо мной высокий бокал с чем-то ярко-зелёным. – Коктейль «Анти-козёл», двойная порция. Сни-

мает стресс, выводит токсины и пробуждает здоровое желание к членовредительству. А в твоём случае, Богатырёва, тебе нужна цистерна этого божественного нектара. И, возможно, небольшой огнёмёт. Так, на чём я остановилась? Ах да, пункт третий: мы взламываем его плейлист в машине и заменяем весь его унылый пафосный джаз на сборник лучших хитов Ольги Бузовой. На репите. Это его добьёт. Морально.

Я сделала большой глоток ледяного, кисло-сладкого коктейля. Он действительно немного приводил в чувство.

– Он всё продумал, Ник, – сказала я, когда приступ смеха отпустил. Голос снова стал глухим и уставшим. – Каждый шаг. Этот контракт... Он будто знал, что я даже не загляну в него. Он поймал меня на моей же самоуверенности.

– Он не знал. Он надеялся, – фыркнула Ника, уперев руки в бока. Её зелёные глаза потемнели от гнева. – Этот ублюдок всегда был гением манипуляций. Он играет в шахматы, когда все остальные думают, что играют в шашки. Но ничего. Любого ферзя можно скинуть с доски. Главное – правильно выбрать момент. И бить побольнее.

– У меня нет сил с ним воевать, – призналась я шёпотом, утыкаясь лбом в прохладную стойку. – Я четыре года выстраивала эту жизнь. По кирпичику. Свою карьеру, свою независимость, своё спокойствие. А он пришёл с бульдозером и снёс всё за пять минут.

– Эй, ты чего? – Ника обошла стойку и, схватив меня за плечи, развернула к себе. – Ничего он не снёс! Он просто поставил забор вокруг твоего дома. Высокий, с колючей проволокой. Но дом-то стоит! И хозяйка в нём – ты. Да, придётся потерпеть вонючего соседа-тирана. Но это временно. Мы что-нибудь придумаем. Взломаем его серверы. Соблазним и сфотографируем с трансвеститом. В конце концов, подбросим ему в машину наркотики и анонимно позвоним в полицию!

– Ты – моё личное исчадие ада, ты в курсе? – я слабо улыбнулась.

– Я твоя лучшая подруга. Это почти синонимы, – подмигнула она. – А теперь давай по делу. Во-первых, контракт. У меня есть юрист. Не такой крутой, как его свора пираний, но дотошный, как термит. Отдадим ему твой экземпляр, пусть ищет лазейки. Любую зацепку. Ошибку в формулировке, неправильно поставленную запятую. Во-вторых, работа. Ты будешь ходить на работу. С высоко поднятой головой. И будешь лучшей. Ты сделаешь ему такой проект, что все ахнут. Ты будешь безупречна. Профессиональна. Холодна, как айсберг. Ни одной эмоции. Ни одного лишнего слова. Он ждёт от тебя слёз. Не дай ему этого. Убей его своим спокойствием. Это будет сводить его с ума.

Она говорила, и её уверенность понемногу передавалась мне. Паника отступала, уступая место холодной, звенящей ярости. Она была права. Я не жертва. Я не позволю ему снова превратить меня в жертву.

В этот момент в кармане завибрировал телефон. Я достала его. На экране светилось: «Артём». Сердце виновато ёкнуло. Я совсем забыла.

– О, чёрт, – пробормотала я.

– Что там? – Ника заглянула через моё плечо. – Артём? Тот самый милый инженер, который похож на грустного гения из кино? Ты же собиралась с ним сегодня...

– В театр. Да. Билеты у меня.

Я ответила на звонок.

– Привет, Тём. Прости, я...

– Рина, привет. Всё в порядке? – его голос, как всегда спокойный и ровный, сейчас был полон неподдельной тревоги. – Ты выбежала из офиса, ничего не сказав. Я волновался. Этот... Богатырёв... он тебя не обидел?

От его заботы на глаза навернулись непрошеные слёзы. Артём был полной противоположностью Марка. Тихая гавань после урагана. Надёжный, честный, добрый. Тот, кто никогда бы не подсунил мне кабальный контракт и не стал бы упиваться моей беспомощностью.

– Всё нормально, Тём, правда. Просто... день тяжёлый, – я потёрла висок. – Слушай, насчёт театра... Я, наверное, не смогу. Совсем нет настроения.

– Я так и подумал, – в его голосе прозвучало понимание, а не обида. – Ничего страшного. Сходим в другой раз. Тебе сейчас нужно отдохнуть. Может, привезти тебе что-нибудь? Твоё любимое фисташковое мороженое?

Я посмотрела на Нику. Она яростно мотала головой и беззвучно шевелила губами, складывая их в одно слово: «И-ди!»

– Нет, Тём, спасибо, я у подруги. Всё хорошо, – я запнулась, поймав испепеляющий взгляд Ники, и, набрав в грудь воздуха, сглотнула подступивший к горлу ком. – Знаешь что? Я передумала. Я очень хочу в театр. Давай встретимся, как и договаривались. Я просто... немного опоздаю.

Повесив трубку, я уставилась на подругу:

– Ты с ума сошла? Какой театр? Я хочу выпить, залезть под одеяло и умереть до утра.

– Вот именно этого он от тебя и ждёт! – Ника схватила меня за руки. Её глаза горели фанатичным огнём. – Он ждёт, что ты забьёшься в угол и будешь рыдать. Что ты отменишь все свои планы. Что вся твоя жизнь теперь будет вращаться вокруг него и его тирании. А ты этого не сделаешь! Ты наденешь своё лучшее платье. Ты сделаешь укладку и макияж. Ты пойдёшь в театр с красивым, умным мужчиной. Ты будешь смеяться над шутками в антракте и есть пирожное с кремом. Ты покажешь ему, что у тебя есть своя жизнь! Что он – всего лишь неприятная помеха, досадная рабочая проблема, а не центр твоей вселенной! Ты поняла меня?

Я смотрела на неё, и её слова, как кислород, наполняли мои лёгкие. Страх отступал. Ярость превращалась в холодную, острую, как бритва, решимость.

Она была права. Война началась. И первый бой я не имею права проиграть.

– Поняла, – твёрдо сказала я. – Ты права. Чёрт возьми, ты как всегда права.

– Вот это моя девочка! – Ника победно улыбнулась. – А теперь марш ко мне наверх, у меня есть сногшибательное платье, которое на тебе будет сидеть как вторая кожа. И туфли, на которых можно убивать. В прямом и переносном смысле. Ты будешь выглядеть так, что если твой бывший тебя случайно увидит, то подавится собственной желчью.

В этот самый момент мой телефон, лежавший на стойке, снова тихо завибрировал. Не звонок, а сообщение.

Я бросила на экран беглый взгляд и замерла. Сердце пропустило удар, а потом рухнуло куда-то в пропасть. Воздух застрял в лёгких.

– Что там? – насторожилась Ника, увидев, как изменилось моё лицо.

Я молча развернула телефон экраном к ней.

Сообщение было с незнакомого номера. Но я знала, кто его отправил. Я чувствовала это каждой клеткой кожи.

«Надеюсь, твой инженер не слишком расстроится, когда ты отменишь ваше свидание. Не советую проверять моё терпение. Оно кончилось четыре года назад».

Кровь отхлынула от моего лица. Шок был настолько сильным, что я едва не выронила телефон. Он знает. Он всё знает. Он следит за мной. Это не просто игра в начальника и подчинённую. Это тотальный контроль. Паранойя. Клетка, о которой он говорил, оказалась гораздо меньше, чем я думала. Она была размером с мою собственную жизнь.

Ника выхватила у меня телефон, её глаза сузились. Её губы сжались в тонкую, злую линию.

– Ублюдок... – прошипела она. – Он поставил за тобой слежку. Этот подонок...

В ту же секунду колокольчик над входной дверью бара мелодично звякнул, извещая о новом посетителе. Мы обе резко обернулись на звук.

В дверном проёме стоял мужчина. Высокий, в безупречно скроенном тёмно-сером костюме, который, казалось, был его второй кожей. Знакомое лицо. Слишком знакомое. Холод-

ные, умные глаза, вежливая, но хищная улыбка на губах. Станислав Ключев. Правая рука Марка. Его тень. Его верный пёс.

Он сделал шаг внутрь, и его начищенные до блеска оксфорды бесшумно ступили на старый деревянный пол. Он окинул взглядом полумрак бара, будто оценивая стоимость каждой бутылки на полке, и остановил свой взгляд на мне. Улыбка стала шире, но не теплее.

– Карина Андреевна. Вероника, – он кивнул Нике с вежливостью, от которой по спине пробежал холодок. – Добрый вечер. Прошу прощения за вторжение. Марк Викторович просил кое-что вам передать.

ГЛАВА 5

КАРИНА

– Послушай сюда, ты, офисный планктон в дорогой упаковке, – прошипела Ника, наклоняясь вперёд через стойку. Её зелёные глаза метали молнии, а голос был похож на шипение пролитого на раскалённую сковороду масла. – Твои поручения здесь никого не интересуют. Разворачивай свои лакированные ботинки на сто восемьдесят градусов и топай обратно в свой серпентарий. Передай своему хозяину, что его тут не ждут. Ни в каком виде. Даже в виде его говорящей болонки.

Я ожидала чего угодно: что он смутится, разозлится, уйдёт. Но Клюев даже бровью не повёл. Он лишь перевёл свой спокойный, изучающий взгляд на Нику. Смерил её с головы до ног – растрёпанные рыжие волосы, пирсинг в брови, чёрная майка с какой-то анархистской надписью, татуировки на руках. И в его глазах, на долю секунды, промелькнуло что-то похожее на... интерес. Почти научный.

– Вероника Смехова, – констатировал он, а не спросил. – Владелица бара «Пробирка». Авторская коктейльная карта, тридцать семь уникальных рецептов. Средний чек – две тысячи четыреста рублей. Высокие рейтинги на всех профильных сайтах. В криминальных сводках не замечена, но имеет два административных штрафа за нарушение режима тишины. Я ничего не упустил?

Ника замерла, ошарашенная. Я тоже. Он навёл о ней справки. Марк навёл о ней справки. Холодная дрожь пробежала у меня по спине. Они готовились. Они просчитывали не только меня, но и моё окружение.

– Ты... ты что, шпионил за мной? – выдавила Ника, её голос дрогнул от ярости.

– Я собирал информацию, – поправил Клюев с тем же невозмутимым видом. – Это часть моей работы. Необходимо понимать, с какими активами и пассивами мы имеем дело. Вы, мисс Смехова, очевидно, главный актив Карины. И одновременно – самый непредсказуемый пассив.

– Я тебе сейчас такой пассив устрою, что ты неделю сидеть не сможешь! – взревела Ника, начиная подниматься.

Я схватила её за руку.

– Ника, сядь. Не надо.

– Карина, он...

– Сядь, пожалуйста.

Она нехотя опустила обратно на стул, продолжая испепелять Клюева взглядом.

– Можно мне присесть? – вежливо поинтересовался он, указывая на свободный барный стул рядом со мной. – Мой рабочий день тоже был длинным, а ноги у меня не казённые.

Не дожидаясь ответа, он плавно опустился на стул, положив на стойку тонкий кожаный портфель. Он двинулся с какой-то хищной грацией, которая совершенно не вязалась с его образом клерка.

– Что вам нужно, Станислав? – спросила я, решив взять инициативу на себя. Хватит с меня роли жертвы.

– Марк Викторович просил передать вам это, – он открыл портфель и достал оттуда тонкую папку из дорогого картона. Точно такую же, как та, с моим рабским контрактом. Он положил её на стойку и пододвинул ко мне. – Он подумал, что в более спокойной обстановке вы сможете оценить его предложение по достоинству.

Я с отвращением посмотрела на папку.

– Я уже оценила. И достоинства там не нашла. Только шантаж и принуждение.

– Это вопрос терминологии, – пожал плечами Клюев. – В бизнесе это называется «мотивационная программа для ключевых сотрудников».

– В борделе это тоже как-то называется, но суть от этого не меняется! – встряла Ника.

Клюев снова посмотрел на неё. На этот раз в его взгляде читалось откровенное любопытство, как у энтомолога, обнаружившего новый, очень ядовитый вид насекомого.

– У вас на всё есть такое яркое сравнение, мисс Смехова? Должно быть, с вами очень интересно вести деловые переговоры.

– Со мной интересно пить текилу и обсуждать способы расчленения таких, как твой босс. А переговоры я не веду. Я сразу бью в морду, – огрызнулась она, но я заметила, что её щёки едва заметно порозовели.

– Заманчивое предложение. Возможно, в другой раз, – его губы тронула едва заметная усмешка. Он повернулся ко мне. – Карина Андреевна, откройте папку. Там не только контракт.

Я колебалась. Каждая клеточка моего тела кричала, что не нужно этого делать. Что это очередная ловушка. Но любопытство, смешанное с упрямством, взяло верх. Я протянула руку и открыла папку.

Сверху лежал мой трудовой договор. А под ним – несколько листов с эскизами. Моими эскизами. Ранними набросками к «Атланту». Теми самыми, которые я делала ещё для себя, для души, когда проект был лишь смелой идеей. Там была и та самая стеклянная крыша в виде раскрывающихся крыльев, и зимний сад на семидесятом этаже, и спиральный атриум – всё то, от чего пришлось отказаться по настоянию Павла Игоревича из-за «непомерного бюджета» и «технической сложности».

А на последнем листе, поверх моего эскиза панорамного лаунж-бара на последнем этаже, красным маркером было написано одно слово: «УТВЕРЖДАЮ». И размашистая, знакомая до боли подпись Марка.

У меня перехватило дыхание.

– Что это? – прошептала я.

– Это зелёный свет, – спокойно пояснил Клюев. – Марк изучил все ваши первоначальные идеи. Он считает, что урезать этот проект было преступлением. Он даёт вам полный карт-бланш. Любой бюджет. Любые технические решения. Он даёт вам не просто деньги. Он даёт вам возможность построить именно тот небоскрёб, о котором вы мечтали. Без компромиссов.

Я смотрела на свои собственные рисунки, на эту дерзкую красную надпись, и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Это был удар ниже пояса. Гораздо более сильный, чем любая неустойка. Он не просто шантажировал меня деньгами. Он соблазнял меня моей же мечтой. Он предлагал мне не просто работу, а возможность сотворить чудо. И он знал, что для такого архитектора, как я, это искушение посильнее любого другого.

– Он... он думает, что может купить меня? Мой талант? Мою мечту? – мой голос дрожал от гнева и... чего-то ещё. От обиды. От того, что он так хорошо меня знал.

– Он думает, что гений не должен быть ограничен сметой, – поправил Стас. Он поднял руку, подзывая официанта, который испуганно жался в дальнем углу. – Мне, пожалуйста, двойной эспрессо. И счёт за столик – на меня.

– Мы сами за себя заплатим! – тут же рявкнула Ника.

– Не сомневаюсь, – кивнул Клюев, не глядя на неё. – Но это тоже поручение. Марк Викторович просил позаботиться о том, чтобы вечер у вас прошёл максимально комфортно.

– Ах ты... – Ника осеклась, подбирая слова. Она выглядела так, будто готова была запустить в него ближайшей колбой.

В этот момент я подняла на него глаза. Взгляд был тяжёлым, полным презрения.

– Передай своему боссу, – сказала я тихо, но отчётливо, вкладывая в каждое слово всю свою ненависть, – что если он думает, будто может купить всё, то пусть попробует купить себе новую совесть. Хотя нет, такой антиквариат ему не по карману.

Я захлопнула папку и резко отодвинула её на край стола.

Клюев выслушал меня с непроницаемым лицом. Он дождался, пока официант поставит перед ним крошечную чашку с кофе, сделал глоток. И только потом ответил, глядя мне прямо в глаза.

– Я передам. А вы передайте своей подруге, что её коктейль «Анти-козёл» действительно неплох. Но ему не хватает горечи. Как и её взгляду на жизнь.

Он встал, оставил на столе несколько крупных купюр, которые с лихвой покрывали наш счёт, и кивнул мне.

– Завтра в девять. Совещание по «Атланту». Марк ждёт от вас презентацию вашей первоначальной, смелой концепции. Он сказал, что с нетерпением ждёт рассказа о миланском прототипе. Он уверен, вы помните детали.

И он ушёл. Оставив за собой запах дорогого парфюма, недопитый кофе и звенящую тишину.

Миланский прототип.

Чёрт.

Он не просто соблазнял меня мечтой. Он доставал из прошлого наши общие воспоминания, как скальпели, и готовился резать по живому. Милан. Наша поездка на архитектурную биеннале пять лет назад. Бессонная ночь в отеле, когда мы, пьяные от вина и друг от друга, на салфетках рисовали небоскрёб будущего. Наш небоскрёб.

Ника выругалась. Грязно, сочно, вложив в одно слово всю свою ненависть к этому человеку и его боссу.

А я сидела, глядя на папку, и чувствовала, как ледяные пальцы страха сжимают моё сердце. Я думала, что это будет война на территории бизнеса. Контракты, чертежи, совещания. Какая же я была наивная.

Марк Богатырёв собирался воевать на моей территории. На территории моего прошлого. Моих чувств. Моей памяти.

И я поняла, что эта клетка, в которую он меня запер, была гораздо страшнее, чем я думала. У неё не было стен из стали и бетона. Её стены были сотканы из моих собственных воспоминаний.

И я не знала, как из неё выбраться.

– Что ты собираешься делать? – шёпотом спросила Ника, её былая воинственность испарилась, сменившись тревогой.

Я подняла на неё взгляд. И в моих глазах больше не было страха. Только холодная, звенящая пустота. И твёрдость стали, которую только что закалили в ледяной воде.

– Как что? – я пожала плечами. – Пойду в театр. А завтра – на работу. Буду делать вид, что всё в порядке. Буду работать. Он хочет получить свой небоскрёб? Он его получит. Я построю ему такой «Атлант», что он подавится собственным восторгом. А потом...

– А потом мы продадим твою почку, мою печень, заложим этот бар к чертям собачьим и выплатим ему эту неустойку! – решительно заявила Ника, снова обретая боевой дух.

– Нет, – я взяла со стола папку с эскизами и прижала её к груди. Она была тёплой. Живой. Моя мечта. Моё оружие. – А потом я заберу у него всё. Не только деньги. Я заберу его покой. Его уверенность. Его душу. Он хотел войны, Ник? Что ж. Он её получит.

ГЛАВА 6

КАРИНА

– Ты уверена, что хочешь шампанского? Может, лучше воды? Выглядишь бледной.

Голос Артёма, тихий и заботливый, пробился сквозь вату, заполнившую мою голову. Я моргнула, пытаясь сфокусироваться. Позолота, хрусталь и бархат театрального фойе расплывались в калейдоскоп, отражаясь в сотнях зеркал. Люди в вечерних нарядах скользили мимо, их смех и обрывки разговоров казались шумом далёкого прибора. Всё это было нереальным. Слишком красивым, слишком правильным для того хаоса, что творился у меня внутри.

– Шампанского, – твёрдо повторила я, выдавив из себя улыбку, которая, наверно, больше походила на оскал. – Непременно шампанского. Сегодня нужно отметить... начало новой эры.

«Эры тотального контроля и изощёренного садизма», – мысленно добавила я, наблюдая, как Артём с сомнением кивает и направляется к гудящей толпе у барной стойки. Он был в идеально сидящем тёмно-синем костюме, который подчёркивал его высокий рост и широкие плечи. Умные, добрые глаза за стёклами очков в тонкой оправе смотрели на меня с такой неподдельной тревогой, что стало до одури стыдно. Он не заслуживал быть втянутым в эту грязь. Он заслуживал лёгкого, приятного вечера с женщиной, которая думает об опере, а не о том, как бы не совершить убийство с помощью шпильки для волос.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в пальцах. Решение пойти сюда было актом неповиновения. Маленькой личной войной, объявленной тирану. «Ты не сломаешь меня. Ты не отнимешь у меня мою жизнь», – мысленно повторяла я как мантру, как заклинание. Но его сообщение, пришедшее в тот момент, когда я уже выходила из дома, превратило этот акт неповиновения в прогулку по минному полю, где каждый шаг мог стать последним.

«Надеюсь, Лазарев не поскупился на билеты. Такой спектакль, как твоя новая свободная жизнь, лучше смотреть из партера. Наслаждайся. Пока можешь».

Он знал. Он всё знал. И он наслаждался этим. Он сидел где-то в своей башне из стекла и бетона, как паук в центре паутины, и дёргал за ниточки, наблюдая, как я барахтаюсь. И от этой мысли холодная, звенящая ярость придавала мне сил. Я не доставлю ему удовольствия видеть меня сломленной. Не сегодня. Не в этом театре.

Артём вернулся с двумя высокими бокалами, в которых весело искрились золотистые пузырьки.

– За новую эру, – он протянул мне бокал, его губы тронула тёплая улыбка. – И за то, чтобы она была лучше старой. Что бы там сегодня ни случилось, Рина, помни, ты не одна.

Я с благодарностью коснулась своим бокалом его. Звон хрусталя был коротким и чистым.

– Спасибо, Тём. Правда. Это для меня много значит.

Мы стояли у высокого окна, выходящего на ночную площадь, и молча пили шампанское. Его присутствие успокаивало. С ним было легко. Он не требовал, не давил, не пытался залезть под кожу. Он был как тёплый плед и чашка горячего чая в промозглый день. Полная противоположность урагану по имени Марк Богатырёв.

Третий звонок прозвенел пронзительно и настойчиво, вырывая из мыслей. Пора. Артём галантно предложил мне руку, и я, оперевшись на неё, позволила увести себя в бархатную полутьму зрительного зала. Наши места были в партере, в десятом ряду. Идеальный обзор. Слишком идеальный. Я невольно обвела взглядом ложи бенуара, бельэтажа, выискивая одну-единственную фигуру. Тщетно. Зал был огромен.

«Он просто играет с тобой, – сказала я себе. – Пугает. Его здесь нет. Он просто сидит в своём офисе и получает отчёты от своих ищеек».

Свет медленно погас, и из оркестровой ямы полились первые, тревожные звуки увертюры. «Кармен». Ирония судьбы была жестока. История о свободолюбивой, непокорной жен-

щине и мужчине, чья страсть переросла в одержимость и привела к убийству. Очень в духе сегодняшнего дня.

Первый акт я почти не слушала. Я пыталась. Пыталась утонуть в музыке, в голосах, в ярких костюмах на сцене. Но моё тело было натянуто, как струна. Каждый раз, когда в зале кто-то кашлял или шуршал программкой, я вздрагивала. Я чувствовала себя дичью, на которую уже открыли охоту. И это было невыносимо.

– Пойдём в буфет? – предложил Артём, когда зажёгся свет и зал взорвался аплодисментами. – Или хочешь подышать воздухом?

– Давай пройдемся, – я с облегчением поднялась. Ноги немного затекли от напряжения.

Мы вышли в фойе, которое снова наполнилось гулом голосов. Артём увлечённо рассказывал что-то об особенностях аранжировки, а я делала вид, что слушаю, кивая в нужных местах. И в этот момент я его увидела.

Он не просто стоял в толпе. Он был её центром. Эпицентром, от которого расходились волны почтительного внимания. Марк. В безупречном чёрном смокинге, который сидел на нём как вторая кожа. Белоснежная рубашка оттеняла лёгкий загар. Волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб и волевою линию бровей. Он выглядел как хищник, случайно зашедший на выставку породистых кошек. Опасный, чужеродный и завораживающий.

А рядом с ним, вцепившись в его руку тонкой ручкой, стояла она. Ангелина Воронская. Дочь того самого Воронского, ключевого инвестора. Известная светская львица, модель и, как утверждали злые языки, профессиональная охотница на олигархов. Высокая, платиновая блондинка с точёной фигуркой и лицом фарфоровой куклы. На ней было облегающее платье из серебристой ткани, напоминающее чешую экзотической змеи. Оно было настолько откровенным, что казалось, будто его нарисовали прямо на её идеальном теле. Она что-то скучающе говорила Марку, но он её не слушал. Он смотрел прямо на меня. Через всю толпу. И в его стальных глазах не было ни удивления, ни радости. Только холодный, тяжёлый триумф. Он не просто пришёл. Он привёл с собой оружие массового поражения. Чтобы показать мне моё место.

Сердце пропустило удар, а потом заколотилось с такой силой, что в ушах зашумело. Бежать. Единственная мысль, которая билась в голове. Схватить Артёма за руку и бежать отсюда без оглядки.

Но было поздно. Он уже двинулся в нашу сторону, легко и неумолимо разрезая толпу, как ледокол. Ангелина поплыла за ним, одаривая окружающих снисходительной улыбкой.

– Рина, какая неожиданная встреча, – его голос, низкий, бархатный, ударил по нервам, как разряд тока. Он остановился так близко, что я почувствовала знакомый до спазма в желудке аромат его парфюма. Сандал, горький табак и что-то ещё. Запах власти.

Он проигнорировал Артёма так демонстративно, словно тот был предметом мебели. Его взгляд скользнул по мне – от волос, которые я уложила в небрежный пучок, до простого, но элегантного изумрудного платья, которое так нравилось Артёму. Его глаза задержались на моём декольте, потом на губах, и на этих самых губах появилась едва заметная, хищная усмешка.

– Поразительно. Та же опера, что и пять лет назад. Помнишь, в Милане? В Ла Скала. Ты тогда была в красном. И мы сбежали после второго акта, потому что... – он сделал паузу, его взгляд стал интимным, почти осязаемым, – ...потому что ждать до конца было выше наших сил.

Удар был точным и жестоким. Он вытащил из прошлого одно из самых ярких, самых сокровенных воспоминаний и швырнул его нам под ноги, на грязный паркет публичного унижения. Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица, а потом бросилась обратно, обжигая щёки.

Артём рядом со мной напрягся. Он шагнул чуть вперёд, пытаясь заслонить меня.

– Добрый вечер, – сказал он ровным, но стальным голосом. – Марк Викторович. Мы виделись сегодня в офисе. Я Артём...

Марк медленно, с оскорбительной ленцой перевёл на него взгляд. Смерил с головы до ног, как нечто незначительное. На его лице промелькнуло притворное узнавание.

– Ах да. Лазарев, кажется? – он протянул руку для рукопожатия, но жест был полон снисхождения. – Вы тоже... любите театр? Или просто составляете компанию даме?

Эта фраза, брошенная небрежно, была пощёчиной. Она низводила Артёма до уровня нанятого эскорта. Я увидела, как дёрнулся желвак на его щеке, но он мужественно выдержал удар.

– Я люблю и театр, и компанию Карины, – спокойно ответил он, пожимая протянутую руку. – Мы давно собирались сходить именно на эту постановку.

– Какое совпадение, – протянул Марк, не отпуская его руки и чуть сжимая пальцы. Я увидела, как побелели костяшки Артёма. – Мы с Ангелиной тоже. Правда, дорогая?

Блондинка, до этого молчавшая, одарила нас ленивым взглядом хищной кошки, которой принесли недостаточно свежую сметану.

– Я предпочитаю балет, – протянула она капризно, глядя на меня так, будто оценивала стоимость моего платья и пришла к выводу, что оно с распродажи. – Но Марк сказал, что сегодня будет... особенный спектакль. Теперь я понимаю, что он имел в виду.

Её взгляд был полон яда. Это была не просто ревность. Это была ненависть женщины, которая чувствует в другой соперницу, даже если та давно сошла с дистанции.

– Тебе идёт этот цвет, Рина, – снова заговорил Марк, полностью игнорируя обоих спутников. Его рука легла мне на талию, на обнажённый участок спины в вырезе платья. Лёгкое, мимолётное прикосновение, от которого по коже пробежал табун огненных мурашек. Моё тело, предатель, дёрнулось, откликаясь на его ласку. – Он подчёркивает огонь в твоих глазах. Помню...

Я резко шагнула назад, вырываясь из его обжигающего плена. Моё сердце колотилось где-то в горле. Я заставила себя поднять на него глаза и улыбнуться. Улыбка получилась ледяной.

– Воспоминания – обманчивая штука, Марк. Они имеют свойство приукрашивать прошлое, – сказала я ровно, вкладывая в каждое слово весь холод Арктики. – Мне, например, тот вечер в Милане запомнился лишь тем, что у тенора был чудовищный акцент. А сейчас, если вы нас извините, мы бы хотели выпить кофе.

Я взяла Артёма под руку, разворачиваясь, чтобы уйти. Но голос Марка остановил меня.

– Одну секунду. Я просто хотел сказать, что рад видеть тебя счастливой, Рина. Правда рад. Лазарев, – он снова обратился к Артёму, и в его голосе зазвенела сталь, завёрнутая в бархат, – надеюсь, вы понимаете, какая ответственность на вас лежит. Карина – создание хрупкое. Её очень легко обидеть. Но ещё легче – разочаровать. Уверен, вы справитесь. В отличие от некоторых.

Это был прямой вызов. Угроза. И обещание. Он смотрел на Артёма, но говорил со мной. Он давал мне понять, что любой, кто встанет рядом со мной, автоматически становится его мишенью.

– Я справлюсь, – коротко ответил Артём. Его рука, которую я держала, была напряжена до предела.

– Что ж, не будем вам мешать, – Марк обнял Ангелину за талию, притягивая к себе. – Наслаждайтесь вторым актом. Говорят, финал в этой постановке особенно... кровавый. До завтра, Карина.

Он подмигнул мне. Дерзко, интимно, так, словно между нами не было никого. И они ушли, оставив за собой шлейф из дорогого парфюма, звенящего напряжения и руин нашего вечера.

Мы с Артёмом молча дошли до пустого столика у окна. Он ничего не сказал. Просто смотрел на меня, и в его глазах была смесь гнева, беспомощности и сочувствия.

– Прости, – выдохнула я, опускаясь на стул. – Тём, прости, я не должна была тебя в это втягивать.

– Это ты меня прости, – он сел напротив, его кулаки на столе были сжаты. – Я должен был сказать что-то ещё. Поставить его на место. Но он... он будто высасывает весь воздух из комнаты.

– Это его главный талант, – горько усмехнулась я. – Создавать вакуум, в котором все остальные задыхаются.

Звонок на второй акт прозвучал как сигнал к началу пытки. Мы вернулись в зал. Но теперь я знала, что он здесь. Я чувствовала его взгляд затылком. Прожигающий, собственный. Вся страсть Кармен, вся трагедия Хозе на сцене превратились для меня в блёклый фон. Главный спектакль разыгрывался не там, а в этом зале. И я в нём была главной героиней, запертой в клетке чужой одержимости.

Я села в кресло, стараясь держаться как можно дальше от Артёма, чтобы не запятнать его своей токсичной историей. Свет погас, и занавес медленно пополз вверх, открывая сцену для второго акта. Но я не смотрела на сцену. Я смотрела в темноту зала, туда, где в одной из VIP-лож угадывался тёмный силуэт. И я знала, что он тоже не смотрит на сцену.

Он смотрел на меня.

ГЛАВА 7

КАРИНА

– Его взгляд – это физический вес. Он давит на плечи, на затылок, впивается под лопатки раскалёнными иглами. Я не вижу его, но я чувствую его каждой клеткой кожи. Он не смотрит на сцену, где Хозе в агонии страсти убивает свою Кармен. Он смотрит на меня.

Весь второй акт превратился в изошрённую пытку. Музыка Бизе, которая когда-то заставляла моё сердце замирать, теперь стала саундтреком к моему личному спектаклю ужасов. Я сидела в удобном бархатном кресле, идеально прямо, боясь пошевелиться. Моя улыбка, адресованная Артёму, казалась приклеенной к лицу. Я даже умудрялась кивать, когда он наклонился и что-то шептал мне на ухо об оркестровке, но слова не долетали до моего сознания. Они разбивались о невидимую стену паники, которую воздвиг вокруг меня Марк.

Он сидел где-то там, в бархатной темноте VIP-ложи, как паук в центре своей паутины. И я была той самой мухой, что отчаянно бьётся в липких нитях, делая вид, что она просто танцует.

– Невероятная постановка, – сказал Артём, когда занавес рухнул вниз и зал взорвался овациями. Его глаза блестели от восторга. – Финал просто... до мурашек. Ты как?

«Я как загнанный зверь», – хотелось крикнуть мне. «Я хочу бежать отсюда, не оглядываясь».

– Потрясающе, – солгала я, заставляя себя аплодировать вместе со всеми. Ладони горели. – Ты был прав, это стоило увидеть.

Люди вокруг нас поднимались, медленно двигаясь к выходу. Шум, смех, шуршание платьев и программ. Обычная театральная суета, которая для меня сейчас звучала набатом. Каждый шаг к выходу приближал меня к нему. К неизбежной встрече. К продолжению этого кошмара.

– Я сейчас машину подгоню, она на подземной парковке, – сказал Артём, когда мы вышли в уже опустевшее фойе. – Подожди меня здесь, у колонны. Я мигом.

Он коснулся моего плеча – лёгкое, тёплое, дружеское прикосновение, которое сейчас ощущалось как клеймо. Я виновато улыбнулась и кивнула. Он ушёл, и я осталась одна. Одна посреди позолоты и хрусталя, под взглядами портретов великих оперных див прошлого. Они смотрели на меня с укором. Или мне так казалось.

Я прислонилась спиной к прохладному мрамору колонны, закрыв глаза на секунду. Просто чтобы перевести дух. Чтобы собрать в кулак остатки самообладания.

– Надеюсь, ты понимаешь, что ваш совместный вечер должен закончиться здесь и сейчас.

Его голос. Низкий, вкрадчивый, с той самой бархатной хрипотцой, от которой у меня когда-то подкашивались колени, а теперь хотелось бежать без оглядки. Он раздался у самого уха. Я не слышала, как он подошёл. Он всегда двигался бесшумно, как хищник.

Я резко открыла глаза и обернулась. Он стоял так близко, что я могла бы пересчитать тёмные ресницы. От него пахло дорогим парфюмом, виски и властью. Он был всё в том же безупречном смокинге, но без своей спутницы. Один на один. Охотник и добыча.

– А ты не слишком много на себя берёшь, Марк? – прошипела я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. Я заставила себя улыбнуться – фальшивой, светской улыбкой, предназначенной для посторонних глаз, которых, к счастью, почти не было. – Решать за меня, где и когда заканчиваются мои вечера? Это немного выходит за рамки твоих полномочий как моего начальника.

– Я не как начальник с тобой говорю, – его глаза потемнели, превратившись в два стальных омута. Он сделал ещё один крошечный шаг, вторгаясь в моё личное пространство, заставляя меня вжаться в колонну. – Я говорю как мужчина, который ненавидит, когда трогают его вещи.

– Я не вещь! – выплюнула я, чувствуя, как внутри закипает ярость. – Сколько раз тебе повторять?

– Повторяй, сколько хочешь. Мне даже нравится, как ты злишься, – его губы изогнулись в кривой усмешке. Он наклонился ближе, и его горячее дыхание коснулось моей щеки. – У тебя в глазах огоньки загораются. Такие же, как в ту ночь, когда ты бросила мне в лицо моё же кольцо. Я скучал по этим огонькам, Рина.

Он играл. Жестоко, изощрённо, зная, куда бить. Он смешивал настоящее и прошлое, работу и личное, превращая всё в ядовитый коктейль, которым пытался меня отравить.

– У тебя короткая память, – процедила я сквозь сжатые зубы, не отводя взгляда. – В ту ночь ты получил пощёчину. Хочешь повторения прямо здесь, на глазах у гардеробщицы?

– Не буди во мне зверя, Рина. Тебе не понравится, – его голос стал тихим, почти шёпотом, но в нём зазвенела неприкрытая угроза. – Я просто предупреждаю. Этот вечер окончен. Ты сейчас попрощаешься со своим инженером и поедешь домой. Одна. Это понятно?

– Нет, – отрезала я. Дерзость родилась из отчаяния. Я больше не могла отступить. Ещё один шаг назад – и он сожрёт меня целиком. – Мне непонятно. Мне непонятно, с какой стати ты решаешь, что мне делать. Мне непонятно, почему я должна слушать человека, который четыре года назад растоптал всё, что было между нами. И мне совершенно непонятно, почему я должна бояться зверя, которого сама же и приручала.

Я видела, как дёрнулся желвак на его скуле. Я попала. Задела. И это придало мне сил.

В этот момент у входа появился Артём. Он увидел нас и замер, его лицо мгновенно стало напряжённым. Он двинулся к нам, готовый к бою.

– Всё в порядке? – спросил он, останавливаясь рядом со мной. Он обращался ко мне, но смотрел на Марка.

Я оттолкнулась от колонны и, сделав шаг к Артёму, взяла его под руку. Этот жест был вызовом. Объявлением войны.

– Более чем, – я улыбнулась Артёму самой светлой и искренней улыбкой, на какую была способна. – Марк Викторович просто... интересовался моими впечатлениями от оперы. Правда ведь?

Я бросила на Марка победный взгляд. Его лицо превратилось в ледяную маску, но в глубине глаз полыхал пожар. Он молча кивнул, признавая своё временное поражение.

– До завтра, Богатырёва, – бросил он и, развернувшись, зашагал прочь, не оглядываясь.

– Поехали отсюда, – прошептала я Артёму, чувствуя, как дрожат колени. Адреналин отступал, оставляя после себя звенящую пустоту.

В машине было тепло и тихо. Артём вёл молча, не задавая вопросов. Он всё понимал. И я была ему за это безмерно благодарна. Я смотрела на пролетающие мимо огни ночного города и пыталась унять бешеное сердцебиение. Я сделала это. Я дала ему отпор. Я не подчинилась. Маленькая победа, которая ощущалась как триумф.

Мы остановились у моего подъезда. Двигатель затих, и тишина стала плотной, почти осязаемой. Я не спешила выходить.

– Спасибо за вечер, Тём, – сказала я тихо. – И прости за... всё это.

– Тебе не за что извиняться, – он повернулся ко мне, и в полумраке салона его глаза казались очень серьёзными. – Он... не оставит тебя в покое, да?

– Не оставит, – честно призналась я.

– Тогда позволь мне быть рядом, – сказал он так же тихо. – Не как защитник, я понимаю, что ты и сама за себя постоишь. А просто... как друг. Как тот, с кем можно выпить кофе и не говорить о нём.

От его слов на глаза навернулись слёзы. Он был таким... хорошим. Правильным. Надёжным. Всем тем, кем никогда не был Марк. И я чувствовала себя чудовищно виноватой, что втянула его в эту грязь.

Он, видя моё состояние, мягко накрыл мою руку своей. Его ладонь была тёплой и сильной.

– Рина...

Он медленно наклонился ко мне. Я видела его лицо совсем близко, его добрые, чуть уставшие глаза. Я знала, что сейчас произойдёт. Он хотел меня поцеловать. Лёгкий, утешительный, возможно, пробный поцелуй. И часть меня хотела этого. Хотела доказать себе и всему миру, что я свободна. Что я могу. Что тень Марка не властна надо мной.

Но моё тело думало иначе.

Когда его губы были уже в миллиметре от моих, я инстинктивно дёрнулась назад. Моя рука сама собой выставилась вперёд, упираясь ему в грудь. Жёстко, безапелляционно.

– Нет, – вырвалось у меня сдавленным шёпотом.

Моё нутро кричало «нет». Оно вопило о предательстве. Не Артёма. Себя. Словно тень Марка сидела на заднем сиденье, невидимая, но осязаемая, и неодобрительно качала головой. Словно поцелуй с другим мужчиной был нарушением какого-то негласного, дьявольского пакта, который я сама того не ведая заключила сегодня.

На лице Артёма отразилось сначала удивление, потом боль, а потом – горькое понимание. Он отстранился, убирая руку.

– Прости, – сказал он тихо. – Я... не должен был. Слишком рано.

– Нет, это ты прости, – я схватила свою сумочку, не в силах больше смотреть ему в глаза. – Дело не в тебе. Дело во мне. Я... я ещё не готова. Прости.

Я выскочила из машины, не дожидаясь ответа, и почти бегом бросилась к подъезду. Уже в лифте, поднимаясь на свой этаж, я прислонилась к холодной зеркальной стене и закрыла лицо руками. Я проклинала себя за трусость. Проклинала Марка за то, что он, даже не находясь рядом, умудрялся управлять мной, как марионеткой. Проклинала собственное тело за эту дурацкую, иррациональную верность тому, кого я ненавидела всем сердцем.

Захлопнув за собой дверь квартиры, я рухнула на банкетку в прихожей, сбрасывая туфли. Тишина. Моя тишина. Моя крепость. Которую сегодня так легко взломали. В кармане завибрировал телефон.

Я достала его с тяжёлым предчувствием. Сообщение. С того же незнакомого номера.

МАРК

Я сидел в своём «Майбахе», припаркованном в тени деревьев на противоположной стороне улицы, и наблюдал. Чёрный седан Лазарева остановился у её подъезда. Двигатель погас. В салоне зажгётся тусклый свет. Я видел их силуэты. Два тёмных профиля на фоне ночного города.

Холодная, выверенная ярость гудела в моей крови, как высоковольтный провод. Я сжимал руль так, что костяшки пальцев побелели. Каждое мгновение, что она проводила с ним, было для меня личным оскорблением. Она посмела. Она не просто пошла с ним на свидание. Она села в его машину. Она позволила ему привезти себя домой.

Мои люди доложили о её реакции в театре. О её дерзком ответе. Я должен был злиться. Но, чёрт возьми, какая-то тёмная, извращённая часть меня восхищалась. Она не сломалась. Не расплакалась. Она приняла бой. Моя Рина. Моя дикая, непокорная кошка, которая выпускает когти, даже когда её загоняют в угол. И это возбуждало до чёртиков.

Но сейчас, глядя на эту интимную сцену в его машине, я чувствовал только одно – слепую, собственническую ревность. Она – моя. Её улыбки, её слёзы, её гнев – всё это моё. И этот инженер, этот ходячий калькулятор в очках, не имел права даже дышать с ней одним воздухом.

Я видел, как он наклонился к ней. Мои пальцы до хруста стиснули руль. Ещё секунда – и я выйду из машины, вытащу его из-за руля и сломаю ему обе руки. Просто чтобы он больше никогда не мог до неё дотронуться.

Но тут её силуэт дёрнулся назад. Резко. Отчётливо. Даже отсюда было видно, что это отказ. Жёсткий и окончательный. Дверь машины распахнулась, и она почти выпрыгнула на тротуар, скрывшись в подъезде.

Я откинулся на спинку сиденья и выдохнул. На губах сама собой появилась кривая, жестокая усмешка. Победа. Полная и безоговорочная. Она могла сколько угодно дерзить мне в лицо, но её тело помнило, кому оно принадлежит. Она не смогла. Не смогла переступить через это. Через меня.

Лазарев ещё несколько минут посидел в машине, глядя на её окна, а потом медленно уехал. Проигравший. Униженный. Я проводил его взглядом, полным презрения.

Нужно было закрепить успех. Напомнить ей, кто здесь хозяин. Кто дёргает за ниточки. Мои пальцы быстро забегали по экрану телефона.

«Умница. Но могла до этого не доводить».

Я отправил сообщение и откинул голову, предвкушая её реакцию. Ярость? Слезы? Истерику? Что бы это ни было, это будет её реакция на меня. А не на него.

Ответ пришёл почти мгновенно. Телефон завибрировал в руке, и я лениво поднёс его к глазам. То, что я увидел, заставило меня сесть прямо. Усмешка сползла с моего лица, сменившись выражением чистого, незамутнённого изумления. А затем – тёмного, опасного восторга.

На экране горели её слова. Написанные капслоком. Каждое – как выстрел.

«В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ СРАЗУ В ПОСТЕЛЬ! ПРОСТО ПОТОМУ ЧТО МОГУ СЕБЕ ЭТО ПОЗВОЛИТЬ!»

Я перечитал сообщение. Ещё раз. И ещё. А потом рассмеялся. Тихо, хрипло, качая головой. Кровь застучала в висках, но это была уже не ярость. Это был азарт. Чистый, первобытный азарт охотника, чья добыча оказалась не просто быстрой ланью, а раненой тигрицей, готовой разорвать его в клочья.

Она не просто огрызнулась. Она бросила мне вызов. Она перехватила инициативу и ударила моим же оружием – провокацией. Она угрожала мне не просто увольнением или скандалом. Она угрожала мне тем единственным, что могло вывести меня из себя по-настоящему. Своей свободой лечь в постель с другим. И сделала это не из страсти или желания. А просто потому, что могла. Из чистого, незамутнённого желания сделать мне больно.

О, Рина... Какая же ты глупая, смелая, восхитительная дура.

Ты только что превратила эту игру в войну на уничтожение. И ты даже не представляешь, как сильно мне это нравится.

Я завёл двигатель. Уезжая от её дома, я уже знал, что сделаю завтра. Я уничтожу её инженера. Не физически. Морально. Профессионально. Я втопчу его в грязь на глазах у всей команды. На её глазах. Я покажу ей, чего стоят её «правильные» мальчики против меня. И я заставлю её пожалеть о каждом слове в этом сообщении. Заставлю её умолять меня о пощаде. И, возможно, я даже её пощажу.

А возможно, и нет.

Игра только начиналась.

ГЛАВА 8

КАРИНА

– Ставлю тысячу, что он начнёт с геологических изысканий. Найдётся какая-нибудь несчастная трещинка в породе на глубине ста метров, и он закроет проект, – прошептал мне на ухо Семён, наш главный конструктор, пока мы ждали начала совещания. Его обычно добродушное лицо сейчас напоминало маску трагика.

– Не мелочись, Сёма, – так же тихо ответила я, не отрывая взгляда от пустого председательского кресла во главе огромного стола из чёрного стекла. – Ставлю две, что он придерётся к аэродинамике. Скажет, что при ураганном ветре наш «Атлант» будет издавать звук, похожий на пение пьяного кита, и это отпугнёт инвесторов с тонкой душевной организацией.

Семён невесело хмыкнул, но его смешок утонул в густой, наэлектризованной тишине. Воздух в конференц-зале «Империума» можно было резать ножом. Мы сидели в этом стеклянном аквариуме на сороковом этаже, залитые холодным, безжалостным утренним солнцем, и чувствовали себя редкими тропическими рыбками, которых вот-вот начнут потрошить на глазах у публики. Вся моя команда, мой старый, сплочённый коллектив из «Проект-Генезис», сидела с неестественно прямыми спинами и напряжёнными лицами. Даже Артём, обычно такой спокойный и невозмутимый, нервно постукивал пальцами по крышке планшета.

После вчерашнего вечера в театре я не спала ни минуты. Спектакль, разыгранный Марком, был куда драматичнее любой оперы. Его сообщение стало контрольным выстрелом, а моя дерзкая ответная СМС – объявлением войны, на которую я явилась совершенно безоружной. Сегодня я чувствовала себя гладиатором, выходящим на арену против льва. На мне была броня из идеально выглаженной шёлковой блузки и строгого брючного костюма цвета мокрого асфальта. Моим оружием была папка с безупречно подготовленными расчётами и чертежами. Но я знала, что против него это всё – картонные доспехи.

Дверь открылась беззвучно. Он не вошёл – он материализовался в проёме. Как всегда, в идеально скроенном тёмно-сером костюме, который делал его похожим на элегантного хищника. Он не спеша обвёл всех присутствующих тяжёлым, оценивающим взглядом, и разговоры мгновенно стихли, будто кто-то выключил звук. Его глаза на долю секунды задержались на мне. В них не было вчерашней издевки, только холодный, сфокусированный расчёт. Затем его взгляд скользнул дальше и остановился на Артёме.

И в этот момент ледяное, тошнотворное предчувствие сжало моё сердце. Я поняла, кто сегодня будет жертвой.

– Доброе утро, коллеги, – его голос, ровный и глубокий, заполнил собой всё пространство, вытесняя остатки воздуха. – Не будем тратить время на пустые формальности. Мы здесь, чтобы обсудить будущее флагманского проекта холдинга – небоскрёба «Атлант». Я изучил предварительные материалы. Впечатляет. Амбициозно. Возможно, даже слишком.

Он сделал паузу, давая словам впитаться в общую нервную тишину. Каждый из нас почувствовал в этом «слишком» завуалированную угрозу.

– Любое здание начинается с фундамента. А фундамент любого проекта – это цифры. Точные, выверенные, безупречные расчёты. Поэтому я бы хотел начать с доклада главного инженера-конструктора. Господин Лазарев, – Марк чуть склонил голову в сторону Артёма, и в этом жесте было больше снисхождения, чем вежливости. – Прошу вас. Расскажите нам, на чём будет стоять наша с вами мечта. Только, пожалуйста, без лирики. Сухие факты. Нагрузки, материалы, сопротивление, устойчивость. У вас десять минут.

Я увидела, как Артём на мгновение замер. Этого не было в повестке дня. Обычно такие доклады делал Семён или я. Артём был гениальным инженером, но он не был публичным спикером. Он привык работать с цифрами, а не с аудиторией. Особенно с такой враждебной. Это

была ловушка. Идеально спланированная и жестокая. Мой вчерашний демарш, моя дерзкая СМС – вот расплата. И платить за неё будет Артём.

Но он был не из тех, кто пасует. Он медленно поднялся, поправил очки и с едва заметным кивком прошёл к огромному экрану во главе стола.

– Добрый день, – начал он спокойно, подключая свой планшет. – Расчёты по несущим конструкциям и фундаменту проекта «Атлант» проводились с учётом всех действующих норм и с применением новейших методик компьютерного моделирования...

Первые несколько минут всё шло гладко. Артём говорил уверенно, на экране сменялись графики, таблицы и трёхмерные модели. Он рассказывал о типе фундамента, о составе бетона, о системе стальных сердечников, которые должны были стать скелетом нашего гиганта. Я с гордостью слушала его. Он был настоящим профессионалом. Команда начала понемногу расслабляться, на лицах появилось подобие облегчения.

И тут Марк нанёс первый удар.

– Господин Лазарев, – прервал он Артёма на полуслове, когда тот перешёл к расчётам ветровых нагрузок. Его тон был обманчиво мягок. – Вернитесь к слайду номер семь, пожалуйста. Геологические изыскания.

Артём послушно вернулся к схеме геологического разреза под местом застройки.

– Я вижу, вы основывались на данных бурения, проведённого полтора года назад компанией «Гео-Стандарт», – продолжил Марк, лениво перелистывая бумаги перед собой, словно это была скучная рутинка. – Интересный выбор подрядчика. Особенно если учесть, что полгода назад эта компания обанкротилась после громкого скандала с фальсификацией данных по объекту в Москва-Сити. Вы проверяли их отчёт? Проводили контрольное бурение?

В комнате повисла оглушительная тишина. Я почувствовала, как холодок пробежал по моей спине. Павел Игоревич, наш бывший шеф, настоял на этом подрядчике, уверяя, что это «быстро и недорого». Мы тогда спорили, но он настоял. И мы, чёрт возьми, не перепроверили. Мы доверились.

– Мы... сочли эти данные достаточными, – Артём пытался сохранить самообладание, но в его голосе прозвучала предательская неуверенность. – Отчёт был полным, никаких аномалий...

– «Достаточными»? – Марк медленно поднял глаза, и в них сверкнул лёд. – Мы собираемся воткнуть в центр Москвы стоэтажную иглу весом в полмиллиона тонн, а вы сочли данные от компании-банкрота, уличённой в мошенничестве, «достаточными»? Вы хоть представляете, что такое карстовый провал под зданием такого типа? Это братская могила на несколько тысяч человек, господин Лазарев. И первая полоса во всех мировых новостях. Следующий вопрос.

Он не повышал голоса. Он говорил тихо, почти вкрадчиво, и от этого его слова становились ещё более весомыми и страшными. Он не просто критиковал. Он убивал. Медленно, методично, на глазах у всех.

– Слайд двенадцать. Аэродинамика. Ваша команда моделировала стандартные ветровые нагрузки. А как насчёт резонансного вихревого возбуждения? При определённой скорости ветра высотное здание начинает вибрировать, как струна. Для гашения этих колебаний применяются инерционные демпферы. Я вижу их в вашем проекте. Два по четыреста тонн. Стандартное решение для прошлого века. Но вы учли эффект «танцующих небоскрёбов», который возникает, когда два высотных здания находятся рядом? Наш «Атлант» будет стоять в пятистах метрах от башни «Федерация». Воздушный поток между ними создаст непредсказуемую турбулентность. Ваши демпферы рассчитаны на это? Или нам стоит заранее продавать билеты на аттракцион «почувствуй себя в эпицентре девятибалльного землетрясения» для любителей острых ощущений?

Артём молчал. Он стоял, бледный как полотно, и смотрел на свои графики, которые вдруг показались ему детскими рисунками. Он был раздавлен. Унижен. И всё это – из-за меня. Марк

бил по нему, но целился в меня. Каждый его вопрос был ударом по моему выбору, по моему окружению, по моей новой жизни.

Коллеги вжимали головы в плечи. Никто не смел поднять глаз. Это была публичная порка, и каждый боялся попасть под горячую руку.

– Я так и думал, – Марк с тихим стуком положил ручку на стол. Он откинулся в кресле и сцепил пальцы в замок. Он посмотрел на Артёма с таким холодным презрением, что мне захотелось вскочить и выцарапать ему глаза. – Знаете, в чём ваша проблема, Лазарев? Вы хороший исполнитель. Вы знаете формулы. Но вы не видите картину в целом. Вы смотрите на дерево, но не видите леса. Вы считаете риски, которые вам дали, но не способны предугадать те, о которых умолчали. Профессионализм, Лазарев, это не только умение считать. Это умение предвидеть. Вы, очевидно, не предвидели даже моих вопросов.

Это была последняя капля. Ярость, холодная и острая, как скальпель, вытеснила страх и унижение. Хватит. Я не позволю ему уничтожить хорошего человека и блестящего инженера только для того, чтобы доказать мне, кто здесь хозяин.

– Вы ошибаетесь, Марк Вадимович.

Мой голос прозвучал в мёртвой тишине конференц-зала громко и отчётливо. Все головы, включая голову Марка, повернулись в мою сторону. Я медленно поднялась, чувствуя, как на меня устремлены десятки пар глаз.

– Карина Андреевна? – в его голосе прозвучало наигранное удивление, но в глазах мелькнул хищный огонёк. Он ждал этого. Он провоцировал меня на это.

– Вы ошибаетесь, – повторила я, глядя ему прямо в глаза. Я сделала шаг вперёд, к столу. – Насчёт господина Лазарева. И насчёт проекта. Да, мы использовали данные «Гео-Стандарта». Это было решение предыдущего руководства, продиктованное сомнительной экономией. Но параллельно с этим, по моей личной инициативе, мы заказали георадарное сканирование участка у независимых экспертов из МГУ. Отчёт я получила вчера вечером. Он лежит у меня на столе. Никаких карстовых пустот. Более того, под нашим участком на глубине восьмидесяти метров проходит гранитная плита толщиной в тридцать метров – идеальное основание для любого небоскрёба. Можете ознакомиться.

Я видела, как дёрнулся желвак на его щеке. Он не ожидал этого.

– Что касается аэродинамики, – продолжила я, чувствуя, как ко мне возвращается уверенность. Это была моя территория. Моя стихия. – Стандартные демпферы – это лишь первый уровень защиты. В первоначальной, не урезанной концепции проекта, которую вы так любезно одобрили вчера, предусмотрен второй уровень. Сам шпиль здания, начиная с девяностого этажа, спроектирован как динамический гаситель колебаний. Его конструкция не монолитна. Внутри неё находится система маятников, управляемая компьютером, которая в реальном времени будет противодействовать любым вибрациям, включая резонансные. Технология новая, экспериментальная, но она уже успешно испытана на небоскрёбе Тайбэй 101. Артём не упомянул о ней, потому что детальные расчёты по ней мы должны были начать только на следующей неделе. Он докладывал лишь о том, что уже сделано. Он – инженер. Он оперирует фактами, а не предположениями. Это и есть профессионализм.

Я замолчала. В зале стояла такая тишина, что было слышно, как гудят серверы в углу. Я бросила ему вызов. Перед всей командой. Перед его топ-менеджерами. Я не просто защитила Артёма. Я показала, что знаю проект лучше, чем он думает. Что я на шаг впереди.

Марк смотрел на меня. Долго. Не моргая. Его лицо было непроницаемым, как маска из полированной стали. Я выдержала его взгляд, хотя сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышен всем в этом зале.

Наконец, он медленно кивнул. И на его губах появилась тень улыбки. Но это была не та хищная усмешка, которую я так ненавидела. В ней было что-то другое. Уважение? Удивление?

– Что ж, – произнёс он, наконец, нарушая тишину. – Вот это уже похоже на разговор. Именно этого я и ждал. Не слепого исполнения, а инициативы. Bravo, Карина Андреевна. Вы защитили свой проект. И своего инженера. Совещание окончено. Все свободны. Богатырёва, вас я попрошу остаться.

Последняя фраза прозвучала как удар хлыста. Команда, не веря своему счастью, начала быстро и бесшумно собираться, стараясь не смотреть ни на меня, ни на Марка. Артём подошёл ко мне, пока остальные выходили.

– Спасибо, – прошептал он. Его лицо всё ещё было бледным, но в глазах светилась благодарность. – Ты меня спасла.

– Ты бы и сам справился, – так же тихо ответила я, ободряюще коснувшись его руки. – Просто он...

– Я понимаю. Будь осторожна с ним, Рина.

Он вышел последним. Дверь закрылась, и мы остались одни в этом огромном стеклянном зале, парящем над городом. Вдвоём. Как тогда, в его кабинете. Только теперь поле боя было другим. И я только что выиграла первую битву.

Или мне только так казалось.

– Дерзко, – сказал он, поднимаясь со своего места. Он не спеша обошёл стол и остановился передо мной. Слишком близко. – Очень дерзко, Богатырёва. Я почти поверил в твой праведный гнев.

– Это не было игрой, – отрезала я, заставляя себя не отступать. – Вы унижали моего сотрудника и ставили под сомнение мою работу. Я была обязана отреагировать.

– «Вы»? – он усмехнулся, склонив голову набок. Его глаза потемнели, в них заплясали опасные искры. – Ещё вчера в театре ты называла меня на «ты». Что изменилось? Решила снова возвести стену? Не трудись, Рина. Я перелезу через любую твою стену. Или просто снесу её к чёрту.

Он сделал ещё один шаг. Теперь нас разделяли жалкие сантиметры. Я чувствовала жар, исходящий от его тела, и этот проклятый запах сандала, который сводил меня с ума. Мои ладони вспотели.

– Не подходите ко мне, – прошипела я.

– Почему? Боишься? – его голос стал ниже, интимнее. Он протянул руку и коснулся пряди волос, выбившейся из моей причёски. Его пальцы были горячими. Они скользнули по моей щеке, посылая разряды тока по всему телу. – Боишься, что твоё тело снова тебя предаст? Как вчера, когда я коснулся твоей спины? Ты ведь вздрогнула. Я почувствовал. А как ты оттолкнула своего инженера? Я видел. Твоё тело помнит, кто его хозяин, даже если голова упрямится.

Я резко отшатнулась, сбрасывая его руку.

– Не смей меня трогать! Я здесь, чтобы работать, а не для того, чтобы вы упивались своей властью и играли в свои садистские игры!

– А кто сказал, что одно мешает другому? – он снова сократил дистанцию, но на этот раз не коснулся меня. Он просто стоял, нависая, лишая меня воздуха. – Ты думала, я позволю кому-то другому крутиться возле тебя? Каждому, кто посмотрит на тебя, заплатит за это. Твой инженер легко отделался. Он просто потерял лицо. Другим повезёт меньше.

– Ты чудовище.

– Я твой муж, – отрезал он.

– Бывший! – напомнила я.

– Бывших не бывает, Рина. Запомни это.

– Это всего лишь твои закидоны, Богатырёв. Ты бесишься, что мне плевать на тебя. Ну так задохнись от ревности, мне правда плевать на тебя! МНЕ. ВСЁ. РАВНО... – договорить не дал. Заткнул. Просто взял и поцеловал меня.

Жёстко, властно, не оставляя ни единого шанса на сопротивление. Это не был нежный поцелуй. Это был шторм. Ураган. Утверждение прав. Его рука легла мне на затылок, пальцы впились в волосы, не давая отстраниться, а вторая обхватила талию, прижимая меня к его твёрдому, как камень, телу. Я замерла на секунду от шока, а потом укусила его. Он взрыкнул, но не отстранился и я... Я принялась кусать его, царапала ногтями его плечи сквозь дорожную ткань пиджака, пытаюсь причинить ему хоть толику той боли, что он причинял мне. Но он лишь рычал в ответ, прижимая меня ещё сильнее, сминая, покоряя, заставляя моё тело плавиться и отвечать на его дикий напор. Мои руки, которые упирались ему в грудь, вдруг ослабли и сами собой легли ему на плечи, пальцы вцепились в него, словно я боялась упасть. Он чуть отстранился, чтобы прохрипеть мне в губы:

– Вот так, Рина... Ненавидь меня. Бей меня. Но не смей врать, что ты ничего не чувствуешь.

Он оторвался от моих губ так же резко, как и набросился. Мы тяжело дышали, глядя друг другу в глаза. Мои губы горели, в голове шумело. Я чувствовала себя опустошённой и одновременно... до ужаса живой.

– Я тебя ненавижу, – прошептала я. И это была правда. Но это была лишь половина правды. И он это знал.

– От ненависти до любви всего один шаг, Рина, – криво усмехнулся он, возвращаясь к своему креслу. Он снова стал холодным, отстранённым боссом. Словно и не было этого взрыва страсти посреди конференц-зала. – А теперь к делу. Твоя защита была блестящей. Но слова – это просто слова. Я хочу видеть цифры. Полный перерасчёт аэродинамики с учётом новой технологии. Детальный план по внедрению системы маятников. И новый отчёт по георадару. Всё это должно быть у меня на столе. Завтра. К девяти утра.

Я замерла. Это было невозможно. Такой объём работы требовал минимум недели. Даже если вся команда будет работать без сна.

– Это нереально, – выдохнула я.

– Для кого-то, может, и нереально, – он посмотрел на меня своим стальным взглядом, в котором не было ни капли сочувствия. – Но ты же у нас не кто-то. Ты – Карина Богатырёва. Ты только что это доказала. Так что докажи ещё раз. Или ты хочешь, чтобы я передал эту задачу твоему... протеже? Уверен, Лазарев будет рад возможности реабилитироваться.

Шантаж. Снова. Только теперь он шантажировал меня не деньгами, а моей профессиональной гордостью. И судьбой Артёма.

Он знал, что я не откажусь.

– Будет сделано, – процедила я сквозь зубы.

– Не сомневался, – он кивнул. – Можешь приступать. Мой кабинет в твоём полном распоряжении. Здесь есть всё необходимое: компьютеры, связь, кофемашинка. Будешь работать здесь. Под моим присмотром. Я хочу лично контролировать процесс.

Он откинулся в кресле, взял в руки планшет и посмотрел на меня поверх него. В его глазах плясали дьяволята.

– Ночь будет длинной, Карина. Очень длинной. Надеюсь, ты никуда не торопишься?

– Будь ты проклят, Богатырёв!

– Твоими молитвами, Богатырёва!

ГЛАВА 9

КАРИНА

«Я ненавижу тебя, Марк Богатырёв. Но, боже, как же я люблю то, что мы создаём вместе». Эта мысль была еретической. Предательской. Она вспыхнула в моём сознании, как неоновая вывеска в тёмном переулке, и я тут же попыталась её потушить, загнать поглубже, но было поздно. Она уже отравила кровь тихим, запретным восторгом.

Уже перевалило за полночь. Огромный офис «Империума» погрузился в тишину и полумрак, превратившись в безлюдное царство стекла, металла и спящих компьютеров. Лишь в макетной мастерской, похожей на лабораторию безумного гения, горел свет. И в центре этого светового острова, склонившись над нашим миром в миниатюре, стояла я. И я была счастлива. И ненавидела себя за это.

«Атлант».

Он возвышался на огромном столе, пронзая своим миниатюрным шпилем кондиционированный воздух. Он был почти готов. Десятки крошечных этажей из прозрачного плексигласа, ажурное переплетение стальных нитей-ферм, зеркальная гладь фасада, в которой отражался свет моей настольной лампы. Это была не просто модель. Это была материализовавшаяся мечта. Моя мечта. Та, которую я похоронила четыре года назад, решив, что она умерла вместе с моей любовью.

Но Марк, чёрт бы его побрал, оказался некромантом. Он воскресил её. Он дал ей всё: неограниченный бюджет, лучших инженеров, полную свободу. Он швырнул мне под ноги мою собственную душу и приказал творить. И я творила, подгоняемая его невозможным дедлайном, я не жила – я горела. Я не спала, питалась кофе и адреналином, и каждая минута этого ада была наполнена таким острым, почти болезненным вдохновением, какого я не испытывала никогда.

Я провела кончиком пальца по изгибу стеклянной крыши, выполненной в виде раскрывающихся крыльев. Моё самое дерзкое, самое безумное решение, от которого меня заставили отказаться в прошлой жизни. А он сказал: «Делай». И я сделала.

– Красиво. Похоже на застывшую в полёте птицу.

Его голос раздался из темноты за моей спиной. Тихо, без предупреждения. Я не слышала, как он вошёл. Он всегда двигался так – бесшумно, как большой хищник, появляясь именно в тот момент, когда ты меньше всего этого ждёшь.

Я резко выпрямилась, моё сердце пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле. Рука, лежавшая на макете, дёрнулась, словно я прикасалась к чему-то запретному. Я не обернулась. Я просто смотрела на отражение в зеркальном фасаде нашего творения. Он стоял в дверном проёме, высокий, тёмный силуэт на фоне тускло освещённого коридора. Пиджак был снят, галстук ослаблен, а рукава белоснежной рубашки закатаны до локтей, обнажая сильные запястья и дорогие часы.

– Вам нужно отдохнуть, Карина Андреевна, – продолжил он, медленно входя в мастерскую. Его шаги были неслышны, но я чувствовала, как с каждым его приближением воздух вокруг меня густеет, становится вязким, наэлектризованным. – Или вы решили поселиться в офисе? Могу распорядиться, чтобы вам привезли раскладушку. Хотя, боюсь, наш коллективный договор не предусматривает компенсацию за бессонные ночи, проведённые в объятиях с макетом.

Его обычный ядовитый сарказм. Но сегодня он почему-то не злил. Он звучал... устало. Я медленно обернулась, готовая к очередной атаке, к новому витку нашей войны. Но он не напал. Он просто стоял и смотрел. Не на меня. На «Атлант». И в его взгляде, обычно таком

холодном и властном, я впервые за долгое время увидела то, что когда-то нас и связало. Восхищение. Подлинное, неприкрытое восхищение творца, видящего перед собой шедевр.

– Я почти закончила с расчётами по шпилью, – сказала я сухо, стараясь вернуть наш разговор в профессиональное русло. – К утру всё будет у вас на столе, как вы и требовали.

– Я не сомневался, – он подошёл ближе, обходя стол с другой стороны. Теперь нас разделял лишь метр пространства и наш стеклянный ребёнок. – Я никогда не сомневался в твоём таланте, Рина. Даже когда ненавидел тебя так, что хотел сравнить этот город с землёй, лишь бы в нём не осталось ничего, что напоминало бы о тебе. Я всё равно знал, что ты – гений.

Этот переход на «ты», этот неожиданный комплимент, прозвучавший как признание, выбил у меня почву из-под ног. Я сглотнула, не зная, что ответить. Это была новая тактика. Опасная. Он не давил, не угрожал. Он обезоруживал.

– Спасибо, – выдавила я, чувствуя себя полной идиоткой.

Он усмехнулся, но на этот раз без издевки. Его взгляд скользнул с макета на мои руки, лежавшие на чертежах. На мои пальцы, испачканные графитом и клеем.

– Ты всегда была такой, – сказал он тихо, почти задумчиво. – Полностью растворялась в работе. Могла забыть поесть, поспать, забыть обо всём на свете, когда в голове рождался проект. Я мог часами сидеть в кресле и смотреть, как ты рисуешь. Ты закусывала губу и хмурила брови. Вот так.

Он протянул руку и легонько коснулся пальцем моего лба, разглаживая несуществующую морщинку между бровями. Его прикосновение было лёгким, почти невесомым, но мою кожу будто обожгло. Я отшатнулась, как от удара. Сердце забилося в панике.

– Не трогай меня, – прошипела я.

Он не убрал руку. Он опустил её на макет, рядом с моей. Его длинные, сильные пальцы легли на миниатюрный стилобат. Так близко, что я чувствовала жар, исходящий от его кожи.

– Почему? Боишься? – его голос стал ниже, бархатнее. Голос, которым он говорил со мной только в темноте нашей спальни. – Боишься, что я снова окажусь прав? Что твоё тело помнит меня лучше, чем ты сама?

– Я здесь, чтобы работать, – отрезала я, сжимая кулаки. – Если у вас нет вопросов по проекту, я бы попросила вас уйти.

– У меня есть вопросы, – он поднял на меня глаза, и в их стальной глубине заплескались опасные искры. – По проекту. Вот здесь, – он провёл пальцем по стеклянной крыше, – ты использовала вантовую систему креплений. Смело. Дорого. И очень красиво. Но как ты собираешься решать проблему с очисткой от снега? Угол наклона слишком мал, он будет скапливаться тоннами.

Он снова говорил о работе. И я, как дура, попалась. Желание защитить своё детище, доказать свою правоту было сильнее инстинкта самосохранения.

– Там будет вмонтирована система подогрева, – шагнула я ближе, наклоняясь над макетом. – Плюс, само стекло имеет особое гидрофобное покрытие. Снег будет просто соскальзывать. Вот, смотри...

Я ткнула пальцем в чертёж, лежавший рядом. И в этот момент он накрыл мою руку своей. Просто накрыл. Его ладонь была горячей и тяжёлой. Она полностью поглотила мою. Это не было случайным касанием. Это был осознанный, властный жест. Акт обладания.

Я замерла, в лёгких кончился воздух. Время остановилось. Единственное, что существовало в этот момент – это жар его ладони, обжигающий мою кожу, и гулкий стук моего сердца, отдававшийся в ушах. Я смотрела на наши руки, лежащие на чертежах нашего небоскрёба. Его – большая, сильная, смуглая. Моя – тонкая, бледная, испачканная в грифеле. И в этом простом жесте было столько интимности, столько прошлого, что у меня закружилась голова.

– Я помню, как ты объясняла мне эту идею, – прошептал он, его губы были так близко, что я чувствовала его дыхание на своей щеке. – В Милане. В том маленьком ресторанчике

на набережной канала Навильо. Ты рисовала на салфетке и так яростно жестикулировала, что чуть не опрокинула на меня бокал с кьянти.

Милан. Он снова достал это оружие. Самое запретное. Самое болезненное. Воспоминания, которые я пыталась выжечь из памяти калёным железом, хлынули, сметая все мои защитные барьеры.

Я дёрнула руку, пытаюсь вырваться, но его пальцы сжались, не отпуская. Он не держал меня силой. Он просто... удерживал. Не давая сбежать.

– Отпусти, – прошептала я. Голос сорвался.

– Не отпускаю, – так же тихо ответил он. – Я уже отпустил тебя один раз, Рина. Это была самая большая ошибка в моей жизни. Больше я её не повторю.

Он медленно поднял нашу сцепленную руку и поднёс к своим губам. Его взгляд не отрывался от моего. Он смотрел мне прямо в душу, и я видела в его глазах всё: и ярость, и боль, и тёмную, пугающую одержимость. Он легонько коснулся губами моих костяшек. Лёгкий, почти целомудренный поцелуй, от которого по моей руке, вверх, к самому сердцу, пробежал разряд тока. Мои колени подогнулись, и я была уверена, что упаду, если он сейчас отпустит меня.

Я молчала. Я не могла произнести ни слова. Мой мозг кричал: «Беги!», но тело отказывалось подчиняться. Оно было предателем. Оно плавилось от этого простого прикосновения. Оно помнило. Чёрт возьми, оно всё помнило.

– Ты помнишь, как пахнут ночи в Милане, Рина? – его шёпот был похож на шёлк, скользящий по обнажённой коже. – Они пахнут цветущими магнолиями, горячим асфальтом и эспрессо. И ещё... они пахнут тобой. Твоими волосами, когда ты выходишь из душа. Твоей кожей после любви...

Он свободной рукой коснулся моей шеи. Его пальцы были прохладными от металла часов и обжигают горячими одновременно. Он провёл ими вверх, по чувствительной коже за ухом, зарываясь в мои волосы, заставляя меня чуть откинуть голову. А потом его большой палец медленно, мучительно медленно, прочертил линию вниз. По шее, по бьющейся жилке, к ложбинке между ключицами. Я затаила дыхание, чувствуя, как по всему телу разбегаются мурашки.

– Я хочу вернуть этот запах, – прохрипел он, его лицо было в миллиметре от моего. Я видела каждую ресницу, каждую тёмную точку в стальной радужке его глаз. – Я хочу снова дышать тобой, Рина. Я задыхаюсь без тебя.

Его губы почти коснулись моих. Я чувствовала их жар, их обещание. Я прикрыла глаза, готовая сдаться. Готовая утонуть. Потому что бороться больше не было сил. И желания.

Но в последнюю долю секунды, когда его дыхание уже смешалось с моим, в моей голове вспыхнул образ. Его лицо. Но не это, искажённое страстью и болью. А то, другое. Четыре года назад. Холодное, циничное, равнодушное. Его слова: «Это просто бизнес. Это ничего не значит».

Я резко отвернулась. Его губы мазнули по моей щеке. Поцелуй не состоялся.

– Нет, – выдохнула я, упираясь свободной рукой ему в грудь. Ткань рубашки была накрахмаленной и тёплой от его тела. Под моей ладонью бешено колотилось его сердце. Так же, как и моё. – Не надо.

Он замер. Его рука на моей шее напряглась, но он отпустил. Отстранился. Медленно, неохотно. Воздух между нами снова стал разреженным, но напряжение никуда не делось. Оно звенело, как натянутая струна.

Я тяжело дышала, пытаюсь прийти в себя. Мой взгляд упал на моё запястье, всё ещё зажатое в его руке. И на тонкую серебряную нить, обвивавшую его. Браслет. Простой, почти незаметный. С крошечной подвеской в виде стилизованного крыла. Тот самый, который он подарил мне на нашу первую годовщину. Я никогда его не снимала. Даже в ту ночь, когда уходила. Я оставила кольцо, но браслет... браслет остался. Как шрам. Как напоминание.

Его взгляд проследил за моим. И я увидела, как его лицо изменилось. Нежность и страсть исчезли, сменившись чем-то тёмным, хищным. Триумфальным. Он провёл большим пальцем по подвеске-крылышку.

– Ты всё ещё носишь его, – это был не вопрос. Это была констатация факта. Приговор. – Ты так и не смогла его снять. Четыре года ты врала всем, и в первую очередь себе, что свободна. Но ты носила на руке мои оковы, Рина.

– Это просто украшение, – солгала я, мой голос прозвучал слабо и неубедительно.

– Нет, – отрезал он, его глаза потемнели. – Это – моё клеймо. Мой знак, что ты всё ещё моя. Ты всегда была моей. Просто на время потерялась.

Он отпустил мою руку. Я инстинктивно шагнула назад, потирая запястье, на котором огнём горел след от его пальцев.

– Этот небоскрёб, – он кивнул на макет, и его голос снова стал ровным и деловым, но в нём появились новые, пугающие нотки, – он ведь тоже наш. Общий. Как... ребёнок, которого у нас так и не случилось. Ты же не бросишь его, Рина?

Удар. Прямо под дых. Он сравнил мой проект, мою мечту, моё единственное детище с нерождённым ребёнком. С нашей общей болью, о которой мы никогда не говорили. Это было слишком. Слишком жестоко. Даже для него.

Я смотрела на него, и во мне не осталось ничего. Ни ярости, ни страсти, ни страха. Только звенящая пустота и одно-единственное, всепоглощающее желание.

Сбежать.

Не говоря ни слова, я развернулась и почти бегом бросилась к выходу из мастерской. Я не знала, куда бегу. Просто прочь. Прочь от него, от этого макета, от прошлого, которое вцепилось в меня мёртвой хваткой и не хотело отпустить.

Я выскочила в тёмный, гулкий коридор, на ходу нажимая кнопку вызова лифта. Я слышала его шаги за спиной. Неторопливые, уверенные. Он не бежал. Он не торопился. Он знал, что мне некуда деться. Что эта башня из стекла и бетона – его клетка. И я в ней заперта.

Двери лифта со вздохом разъехались, открывая спасительную кабину. Я шагнула внутрь, судорожно нажимая кнопку первого этажа. Двери начали закрываться. Медленно, мучительно медленно. Я видела, как сужается полоска света, как исчезает тёмный коридор. Я почти успела. Почти...

– Думала сбежать?

Его голос раздался прямо за моей спиной. Его рука проскользнула в закрывающийся проём, заставив створки с резким звуком разъехаться обратно. И он вошёл в кабину. В последнюю секунду. Двери за его спиной захлопнулись, отрезая нас от всего мира.

ГЛАВА 10

КАРИНА

– Бесплезно, Рина.

Его голос, низкий и лишённый всякой спешки, догнал меня у самых дверей лифта. Он не был громким, но прошил гулкую тишину пустого офисного коридора, как раскалённый прут, заставив меня впечатать палец в кнопку вызова с такой силой, что под слоем лака хрустнул ноготь. Плевать.

Бежать. Единственный инстинкт, который сейчас работал безотказно, заглушая все остальные. Бежать от запаха дерева, свежего клея и пыли в макетной мастерской. Бежать от призрачного света, льющегося из окон миниатюрного небоскрёба – нашего так и не рождённого ребёнка. Бежать от его шёпота, от жара его рук, от воспоминаний, которые он с хирургической точностью извлёк из самых глубин моей памяти и разложил перед нами, как улики на месте преступления. Как козыри в своей дьявольской игре.

Сердце колотилось о рёбра с бешеной силой раненой птицы, отдаваясь глухим, паническим стуком в ушах. Я снова и снова жала на холодный металлический кружок, словно это могло заставить спасительную кабину появиться быстрее, вырвать меня из этого вязкого, наэлектризованного воздуха. Пожалуйста, пожалуйста, быстрее...

Наконец, спасительный звон, и створки лифта из матовой стали начали плавно расходиться, открывая освещённое нутро. Секунда – и я буду в безопасности. В замкнутом пространстве, но одна. Одна!

Я шагнула внутрь, разворачиваясь, чтобы нажать кнопку подземной парковки, и в этот самый момент его тёмный силуэт возник в проёме. Его широкая ладонь легла на створку, не давая ей закрыться. Просто и властно. Без рывка, без агрессии. С той спокойной, непоколебимой уверенностью, с которой он делал абсолютно всё в своей жизни. Словно весь мир был обязан остановиться и подождать, пока он примет решение.

Он вошёл следом. Металлическая коробка лифта, до этого казавшаяся просторной, мгновенно сжалась до размеров карцера. Воздух стал плотным, тяжёлым, пропитанным его запахом – сандал, озон послегрозового воздуха и что-то ещё, неуловимо металлическое, как запах адреналина. Створки за нашими спинами беззвучно закрылись, отрезая нас от всего мира, заключая в персональный ад на несколько квадратных метров.

– Куда ты бежишь, Рина? – спросил он так же тихо, но теперь его голос вибрировал в замкнутом пространстве, проникая под кожу, заставляя дрожать каждую клетку. – От меня? Или от того, что до сих пор носишь на запястье этот чёртов браслет?

Я вжалась в противоположную стену, обтянутую холодным зеркальным пластиком, в котором мутно отражались наши тёмные, искажённые силуэты. Моё запястье, на котором пряталось под манжетой блузки тонкое серебряное крыло – его подарок на первую годовщину, – предательски запульсировало горячим стыдом.

– Я еду домой, Марк Вадимович, – ледяным тоном отчеканила я, упрямо глядя на светящиеся цифры над дверью. Использование отчества было жалкой попыткой возвести между нами стену. – Мой рабочий день, а точнее ночь, окончен. Задание будет выполнено в срок. Больше нас ничего не связывает.

– Ничего? – в его голосе прозвучал хриплый смешок, от которого у меня по спине пробежал холодок. Он сделал шаг ко мне. Один. Но этим шагом он поглотил всё оставшееся пространство, всю надежду на спасение. – Ты только что стояла, прижавшись ко мне, и дрожала, как осиновый лист, когда я говорил о Милане. Твои пальцы на макете были ледяными, но когда я накрыл их своей рукой, ты не отдернула её. Ты вздрогнула, но не отдернула. Это ты называешь «ничего»?

Я молчала, вцепившись пальцами в ремешок сумочки так, что побелели костяшки. Он был прав. Каждое его слово было безжалостной, убийственной правдой, и от этого становилось только хуже. Моё тело – главный предатель. Оно помнило всё. Оно откликалось на него, игнорируя приказы разума, который истошно вопил об опасности, о ловушке, о том, что нельзя поддаваться.

Лифт плавно тронулся вниз. П-1... П-2... Спасение было так близко.

И тут кабина резко дёрнулась и замерла. Свет моргнул и погас, сменившись тусклым, мертвенным сиянием аварийной лампочки, залившей всё вокруг тревожным оранжевым светом. Гудение механизма стихло. Наступила абсолютная, звенящая, удушающая тишина.

– Что... что ты сделал? – прошептала я, и мой голос сорвался, превратившись в жалкий писк. Паника, липкая и холодная, которую я так старательно сдерживала, начала подступать к горлу, грозя утопить.

– Дал нам немного времени, – он стоял так близко, что я видела, как в полумраке хищно блестят его глаза. – Без свидетелей. Без цифр на табло, отсчитывающих секунды до твоего очередного побега.

Я проследила за его взглядом. Его палец всё ещё лежал на красной кнопке экстренной остановки. Так просто. Словно он остановил фильм на паузу в самом напряжённом моменте. Поставил на паузу мою жизнь.

– Включи лифт, – потребовала я, отчаянно пытаюсь, чтобы мой голос звучал твёрдо и уверенно, а не как у напуганного кролика. – Немедленно.

– Сначала мы поговорим.

– Нам не о чем говорить! Ты получил то, что хотел! Я сделаю твой проект! Я построю тебе твой чёртов небоскрёб! Только отпусти меня!

– Мне не нужен проект, Рина! – рявкнул он, и его рёв эхом отразился от металлических стен, ударив по барабанным перепонкам. Он со всей силы ударил ладонью по стене рядом с моей головой. Я вздрогнула от резкого, оглушительного звука. – Мне нужна ты! Какого чёрта ты не можешь этого понять?!

– Потому что это ложь! – выкрикнула я в ответ, и плотина моего выстрадавшего самообладания наконец рухнула, выпуская на волю всю боль и ярость, что я копила четыре года. – Тебе нужна не я, а трофей! Очередная галочка в списке! Доказательство того, что Марк Богатырёв может получить всё, что захочет! Ты не любишь – ты коллекционируешь! И я не собираюсь становиться очередным экспонатом в твоей коллекции! Я не вещь!

– Экспонатом? – прошипел он, наклоняясь ко мне. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего. Его дыхание опаляло мою кожу. Я видела каждую ресницу, каждую морщинку в уголках глаз, каждую искру ярости, что горела в его зрачках. – Ты думаешь, из-за простого экспоната я бы стал скупать компании, ломать чужие судьбы и ставить на кон собственную империю? Ты думаешь, я четыре года просыпался посреди ночи в холодном поту, потому что мне снился грёбанный экспонат?!

Его слова повисли в густом, тяжёлом воздухе. Четыре года... Он тоже...

Нет. Нельзя. Нельзя ему верить. Это очередная жестокая, выверенная манипуляция. Он просто бьёт по самым больным точкам.

– Отпусти меня, – прошептала я, упираясь ладонями в его грудь. Ткань дорогого костюма была жёсткой и холодной, а под ней – твёрдые, как камень, мышцы. И бешено, оглушительно бьющееся сердце. Такое же, как моё.

– Я отпустил тебя один раз, – его голос стал глухим, полным такой неприкрытой боли, которую я никогда раньше в нём не слышала. – Это была самая большая, самая непростительная ошибка в моей жизни. Больше я её не совершу.

И он поцеловал меня.

Это не было похоже ни на один из наших прошлых поцелуев. Это не было нежностью, не было даже страстью в чистом виде. Это был взрыв. Накопившаяся за четыре года ярость, боль разлуки, тоска по ночам и отчаянное, животное желание – всё это обрушилось на меня в одном диком, собственническом движении его губ. Он не просил – он требовал. Не соблазнял – он брал. Забирал своё. Его рука сжалась на моём затылке, пальцы зарылись в волосы с той самой знакомой, властной силой, от которой у меня подогнулись колени и перехватило дыхание. Точно так же, как в ту ночь в Милане, когда мы, пьяные от вина и друг от друга, целовались на балконе нашего номера с видом на ночной собор...

Нет! Нет! Нет!

Я с силой ударила его кулаком в грудь. Раз. Другой. Это было всё равно что бить по гранитной стене. Он даже не пошатнулся, лишь глухо зарычал мне в губы, прижимая меня к холодной зеркальной стене лифта так сильно, что я почувствовала каждой косточкой её твёрдость и неумолимость.

Я пыталась вырваться, брыкалась, мычала что-то бессвязное, но он был сильнее. Он был стихией. Ураганом, который пришёл, чтобы снести всё на своём пути, оставив после себя лишь руины. Его язык настойчиво и грубо искал дорогу, и я сжала зубы, отказываясь уступить. Это была моя последняя линия обороны. Мой последний бастион.

И тогда он сделал то, чего я не ожидала. Он отстранился. Всего на сантиметр. Его горячее дыхание опалило мои губы. Мы тяжело дышали, глядя друг другу в глаза в тусклом свете аварийной лампы. В его глазах полыхал пожар.

– Я всё равно тебя сломаю, Рина, – выдохнул он, и в его голосе звенело отчаяние и твёрдая решимость. – Ты сдашься.

И он снова поцеловал меня. Но на этот раз иначе. Медленно. Нежно. Почти невесомо. Его губы лишь коснулись моих, дразня, уговаривая, пробуждая память в каждой клетке моего тела. Он не требовал – он просил. Он не брал штурмом – он просачивался в трещины моей обороны. И это было в тысячу раз страшнее. В тысячу раз губительнее.

И моё тело сдалось. Капитулировало. Предало меня.

Оно вспомнило всё. Вкус его губ, чуть горьковатый от кофе и терпкий от власти. Жёсткость его щетины, царапающей мою нежную кожу. То, как его рука скользит с моего затылка вниз по спине, очерчивая каждый позвонок, и замирает на талии, притягивая меня вплотную, сжигая последний спасительный зазор между нашими телами. Мои губы сами приоткрылись, впуская его. Мои руки, до этого упиравшиеся в его грудь, ослабли и сами собой легли ему на плечи, пальцы вцепились в дорогую ткань его пиджака, как будто он был единственной опорой в рушащемся мире.

Стоп. Нет. Я не должна...

Но я уже тонула. Разум отключился, оставив после себя лишь звенящую пустоту, которую мгновенно заполнили ощущения. Я отвечала на его поцелуй. Отчаянно, жадно, словно пыталась утолить жажду, мучившую меня четыре долгих, пустых года. Языки сплелись в яростном, неистовом танце. Это была битва, в которой не могло быть победителей, потому что мы оба уже проиграли в тот самый момент, когда наши губы встретились. Это был танец двух измученных душ, которые не могли жить ни вместе, ни порознь.

Он оторвался от моего рта, чтобы впитаться поцелуями в шею, в чувствительную точку под мочкой уха, в ключицу, находя все те места, которые, как я думала, я давно забыла. А он помнил. Дьявол, он всё помнил. Его рука скользнула под мою блузку, и горячая ладонь обожгла кожу на талии. Я выгнулась ему навстречу и изо рта вырвался тихий, сдавленный стон – смесь наслаждения и ненависти к себе за эту слабость.

– Моя... – прорычал он мне в кожу, и от этого простого, собственнического слова по телу прошла судорога. – Ты всегда была моей. И всегда будешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.